

Оксана Шаркова

Руины настоящего

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Шаркова
Руины настоящего

«Автор»

2026

Шаркова О.

Руины настоящего / О. Шаркова — «Автор», 2026

Этот фэнтезийный роман об альтернативном мире будущего. Две, прибывшие на Землю расы, ведут войну за полное господство на планете. Они не приемлют мир и не идут на уступки. Люди, втянутые в чужие распри, вынуждены отправлять на чужую войну своих солдат. Героиня этой истории оказывается в сложном положении, когда подходит ее время отправляться на обязательную военную службу. Нет шанса сбежать, нет возможности откупиться. Но так ли это страшно, если бояться стоит как раз тебя?

© Шаркова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	26
Глава 3	37
Глава 4.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Руины настоящего

Глава 1.

ИСТОРИЯ НОВОГО МИРА

Это был невероятно солнечный день. Самый жаркий день в году. Ни ветерка, ни облачка. Толпы детей в сопровождении учителей спешили на парад на главную площадь. Сегодня знаменательный день – день окончания третьей мировой войны.

Прошло всего пять лет, и не все города успели восстановиться, но мы, наконец, могли оглядываться назад, не задыхаясь от панических атак; мы наконец не боялись смотреть на небо. Площадь полна народу, множеством палаток с разными сладостями и выпечкой. Учителя пытались построить детей в длинные шеренги по обе стороны дороги, чтобы между ними смог пройти длинный парад участвующих в прошедшей войне солдат.

И вот, вдалеке показались они. Первым шел оркестр, играющий музыку победы. За ним - несколько платформ с покалеченными моряками... Мне было не интересно смотреть на выставку раритетов; глазами я выискивала место, где можно было бы спокойно покурить, пока все отвлечены. Мешали только гребаные цветы, которыми снабдила меня училка.

Наконец, найдя, на кого их сплавить, я выскочила из шеренги и, согнувшись, прошмыгнула к одному из ларьков с булками, за которым не было ни души.

Чирк... чирк... Долбанная зажигалка не хотела работать. Чирк...

Бах! — прозвучал оглушающий взрыв, такой, что заложило уши. Я присела и подняла голову, посмотрев на небо, которое вдруг окрасилось в ярко-алый цвет.

Бах! — еще один взрыв совсем недалеко.

Большие горящие камни посыпались на землю горячим градом совсем недалеко от площади.

Начался хаос, люди бежали, сбивая друг друга с ног.

Над нами нависли огромные бесформенные камни, а может, и не камни...

Бежать... бежать... куда бежать?

Вокруг горели дома, деревья. Лёгкие наполнялись ядовитым дымом.

Крики о помощи звучали отовсюду.

Бежать...

Сколько ни беги, вокруг лишь огонь, кровь и крики.

Тяжело дышать.

Бах!

Я падаю.

Что-то тянет обратно, царапая плечо. Я оборачиваюсь и цепенею от ледящего душу ужаса. На меня смотрят два больших желтых глаза. Пасть открыта, обнажая множество тонких клыков. Мой крик застревает где-то в горле.

Снова этот сон...

Потираю глаза, одновременно тянусь к выключателю. Смотрю на коммуникатор: на часах 8:20.

«Пора вставать... минут пятьдесят назад», — с разочарованием, но без всякого удивления осознала я. — «Ну, хоть в последний раз».

Улыбнувшись этой мысли, я встала с постели и направилась в ванную. Сегодня тот самый день!

Всю свою жизнь я ощущала себя второстепенным персонажем или даже десятым слева в собственном романе.

Лучшую работу получает мой одноклассник, удачно выходит замуж моя хорошая знакомая, героем военной операции становится выпускник моего университета. Я лишь могла наблюдать и радоваться за них. Все, что оставалось мне, — это упорно учиться и верить в то, что мой сюжетный поворот еще случится.

Сегодня тот самый день — особый день, — он может выпасть лишь раз в жизни, если повезёт. И мне повезло, впервые в жизни по-настоящему повезло! Сегодня я окончу университет с хорошими шансами найти высокооплачиваемую работу. Но не это будоражило мое сознание, не это заставляло мое сердце стучать, как сумасшедшее. А то, что сегодня вечер, когда мне сделают предложение!

Мой Сарен уже назначил встречу в самом романтичном месте города, куда я отправлюсь сразу после прощальной встречи выпускников. В это место не приглашают просто так, оно создано для предложений руки и сердца. Вот почему я никак не нахожу себе места уже целую неделю, с тех пор как он рассказал мне о планах на сегодняшний вечер.

С малых лет я росла в детдоме, а это значит, что поручиться за меня некому. В нашем мире трудно хорошо устроиться без поручителей. Поручителем может быть родитель или супруг. Для полного достатка он должен быть с хорошей репутацией — не меньше семерки. Моя же личная репутация после выхода из приюта была всего 2,4. Благодаря учебе в лучшем университете страны и высоким баллам она стала 3,8. С таким клеймом мне одна дорога...

Семья Сарена достаточно известна в высоких кругах. Его отец — первый малый советник по вопросам сельского хозяйства, а мать — глава исследовательского центра. Репутация их семьи — 9. Выше подняться сложно.

Я быстро помылась под струёй холодной воды. Перебои с горячей водой становились все чаще. Да и самой воды часто просто не было. И неудивительно, ведь наш Овраг готовили к переселению. Трущобы, в которых мне столько лет приходилось выживать, были признаны рассадником пьянства и разврата, что неумолимо портило репутацию столицы.

«Будто с остальным все у нас в порядке, и полуразрушенные здания, конечно же, ни при чем».

Уже пора было готовиться к выходу. Как обычно, времени на завтрак я себе не оставила.

Посмотрев на себя в большое зеркало шкафа, я пыталась найти быстрый способ привести себя в порядок. С рыжими до плеч волосами проблем быть не могло. Чистая голова и кудри всегда спасали положение. Лицо, в силу своей молодости, тоже не должно было подкачать. Пухлые губы, слегка вздернутый кверху нос, большие зеленые глаза и черные брови с ресницами — все это могло быть и лучше, но что получилось, то получилось. Худой девушкой меня назвать трудно, но и толстой — как-то неправильно. Третий размер груди мог заставить закрыть глаза на многие вещи. А бег пошел на пользу моей пятой точке. «Благо, я не ленилась бегать на занятия, когда ленилась встать вовремя», — я подмигнула сама себе на этой мысли. Также не страдала и моя талия. Животик, конечно, был, но не выпирал особо.

Я сморщила лицо, глядя на себя, потом вытянула его, повернула вправо, влево, махнула рукой, сказав тем самым: «Да и хрен с ним».

Все было нормально, в целом, если не обращать внимания на некоторые изъяны, которых я сама уже не замечала: множество грубых шрамов на спине, которые я могла прикрыть одеждой; несколько глубоких шрамов на руках и пара мелких на лице, которые спрятать было нельзя.

Да, не слишком красиво, но я не ненавидела их, как ни странно. Я даже не старалась их прятать. Они определяли меня, делали меня мной. Видя их, люди знали, откуда я; сторонились, избегали, а иногда издевались. Но я не ненавидела их. Потому что не могла ненавидеть себя. Я знала, что они не станут помехой на моем пути, потому что и без них хватало того, что уже убил бы во мне все стремления, если бы не отчаянное желание стать полезной и необходимой, но, главное, — остаться в безопасности.

В который раз убедившись, что я красотка, я приступила к выбору одежды.

Город, в котором мне посчастливилось обосноваться, называется Возражение. Это самый богатый город страны, и он же — самый бедный. Не лучшая сторона мне досталась для жизни, зато учиться повезло на другой — среди элиты. Увидев этих беззаботных мажоров, которые тянули бремя учебы с невероятной легкостью, я твердо решила стать одной из них. Однако затесаться среди них и стать частью их мажористого общества — совсем не одно и то же, как оказалось.

В нашей стране, под названием Искра, всего около пяти миллионов человек, не считая тех, кто сейчас сражается за нас в Пустошах. Это все люди, что остались на Земле после Первой межрасовой войны, которая случилась больше века назад.

Большая часть планеты непригодна для жизни человеческой расы. На ней обитают существа, которые и в страшном сне не явятся. Мертвая земля, ядовитый воздух, вода, которая способна сожрать тебя целиком, и дикие звери, готовые разорвать любого, кому не повезет там оказаться. Всю территорию, что свободна от официальных государств, называют Пустошью. Вся территория, что находится между странами, является полем сражений.

Кроме нас еще две расы урвали себе по кусочку нашей планеты. Они существуют и прекрасно процветают на некогда нашей планете. И не просто существуют, но и воюют между собой, не стесняясь вовлекать оставшихся людей в свои дрязги.

Как же так вышло?

Земля случайно оказалась полем боя для двух враждующих рас: Рангоров и Алоидов.

За сто лет мы многое узнали о наших «земных сожителях». И даже многое переняли у них.

РАНГОРЫ.

Рангоры — воинствующая раса. Обладают большой энергетической силой, международное название которой — Поток. Они способны воспроизводить энергию и получать её извне, выкачивая её из других живых организмов. Рангоры опустошили родную планету тысячи земных лет назад. С тех пор их раса кочует в поисках планет, богатых ресурсами живой природы.

Удивительно, но они сильно похожи на нас: голова, две руки, две ноги, пальцы. Но есть и отличия. На их головах растут рога, с помощью которых рангоры и выкачивают энергию из всего живого. Они представляют собой два белых отростка чуть выше лба, сантиметров десять каждый. Также их отличительной чертой являются длинные белые хвосты, напоминающие кожаные хлысты, которые они используют для дрессировки диких зверей в лагерях зверовоск.

АЛОИДЫ.

Цивилизация алоидов построена на сложном машиностроении и топливе с их родной планеты, которое не истощается никогда.

Алоиды внешне напоминают прямоходящих рептилий: жесткая зеленая чешуйчатая кожа, вытянутые конечности, длинные когтистые пальцы, абсолютно лысое тело и голова. Вме-

сто ушей — глубокие отверстия, вытянутое вперед лицо и куча острых зубов. А также большие желтые глаза с миндалевидным зрачком. Мы называем их ящерами.

Рабочие и военные ящеры – мужские особи. Размножением у них занимается Королева, или Матка. Она воспроизводит потомство путем метания икры: до пятисот икринок в неделю. Средний срок жизни рабочего алоида — 800 лет. Срок жизни Королевы — 200–250 лет. Раз в сто лет на свет появляется новая Королева, которая может стать или не стать следующей главной Маткой: зависит от решения тартианского Совета. Когда старая Матка уходит на покой, до конца своих дней она живет в почете и уважении. Ее единственной работой остается давать советы и наставления новой Королеве.

ИНООКИ.

Они явились на нашу землю в поисках помощи вместе с алоидами. Знания об этих существах сохранились в библиотеке «История нового мира», в старых книгах времен начала Первой межрасовой войны (войны Первого Контакта, или ПМВ).

Инооки интересны тем, что их тела полностью неуязвимы к физическому воздействию и на них не влияет время. Сравнить этих существ можно разве что с медузой. Их тела тоже выглядят как желе.

Атмосфера их родной планеты имеет повышенную влажность. Она богата растительным миром и огромными водными просторами.

Сначала они заполнили наши океаны, однако адаптироваться так и не смогли. Существа погибли по большей части из-за радиации в ПМВ.

Доходили слухи, что немногим из них удалось выжить где-то у тающих ледников на севере, но никаких подтверждений этому нет.

Выбор одежды у меня был огромный. Большую её часть дарил мне Сарен по разным поводам. Множество вещей я привозила из командировок, в которые он меня брал, но никогда не надевала.

Все вещи были прекрасны: платья, костюмы и туфли. Но все они были неудобны. В этих нарядах Сарен представлял меня своей публике. Слова «должна надеть» я слышала чаще, чем слова «я люблю тебя».

Вот это черное платье, длиной чуть выше колена, с глубоким вырезом почти до самого пупка, мне определенно шло, но казалось слишком откровенным и многое выставляло напоказ. У Сарена были своеобразные вкусы и отношение к моим изыскам, которые это платье как раз не могло скрыть. Подарок по случаю ужина с его родителями. К слову, неудачный был вечер. Ведь его родителям я не понравилась. Не понравилась своей бедностью.

— Нет, платье, я не дам тебе омрачить сегодняшний вечер позором прошлого, — твердо заявила я куску черной ткани, бросив его прямо на пол.

А вот этот белый костюм с красной блузкой Сарен подарил мне перед походом на показ мод, что проходил в главном офисном здании Мирного Берега.

«Ну и куда я могу в нем выйти в своей обычной жизни?»

Меня точно избил бы и ограбили возле бара, что как раз находился рядом с подъемником.

Я швыряла платья, юбки и майки прямо на пол, громко сопя и ругаясь про себя.

В моем личном гардеробе оставалось всего два варианта, если, конечно, я не собиралась пойти в брюках, которые всегда ношу. Оставался миленький голубой сарафан из легкой ткани и фиолетовый костюм, состоящий из пиджака, брюк и белой блузки.

«В сарафане на подъемнике подниматься?» — задумалась я. — «По фигу. Пусть будет костюм».

Выбор наряда был сделан, оставалось навести красоту. В моем случае это был легкий макияж и небольшая завивка рыжих непослушных волос, которые всегда по утрам торчали во все стороны и с трудом укладывались только дорогим бальзамом и утюжком. Чаще всего я просто стягивала их в небрежный пучок. Но сегодня был слишком важный день.

Косметика в наше время очень дорогая, и мало кто может ее себе позволить. Тушь, пудра и розовая помада — вот и весь мой набор. И его мне подарил, естественно, Сарен, даже не помню к какому именно событию.

Во всех моих вещах словно была его частичка. Все самое стоящее, что у меня есть, он дарил. Чего ни коснись, всё вызывало воспоминания.

В самом начале, после тщетных попыток переговоров и бесконечных потерь, людям оставалось только запустить своё самое сильное оружие.

После запуска ракет людей и вторженцев осталось совсем немного. Какая-то часть людей стала колонией рангоров, большая часть смогла объединиться и собрать остатки цивилизации.

Сначала мы прятались под землёй и дрожали от страха. Но в силу вступил мирный договор «Ради выживания». Тогда алоиды предложили нам свою помощь. Многие технологии, которые мы имеем сейчас, — это неоценимая поддержка наших союзников.

Было дано время на восстановление, и мы его использовали, так же как и остальные расы. На руинах мы построили убежища. Мы научились возводить невидимые стены. Все технологии, что были заимствованы у вторженцев, использовались ради защиты, в том числе и от ядовитого воздуха, который необъяснимо быстро поражал всё живое на планете.

Но не прошло и 50 лет, как мы были снова втянуты в чужие распри. наших мужчин и женщин забирают на чужую войну, не предлагая выбора. Наша новая сила стала их оружием.

Из истории нам известно, что Первая межрасовая война между рангорами и аллоидами началась около двухсот земных лет назад.

Кочующая раса рангоров находилась в поисках большого запаса энергии. Наткнувшись на грузовой корабль аллоидов, они не ожидали найти бесконечный источник. Странное тартианское топливо могло стать неисчерпаемым ресурсом для флота рангоров. Однако на деле всё вышло иначе.

Рангоры атаковали Тарт, и, несмотря на мощные технологии, аллоиды проигрывали эту войну. Им пришлось бежать с родной планеты, оставляя её на растерзание врагам.

Тогда рангоры захватили целую систему, вынуждая ещё одну разумную расу — инооков — пуститься вслед за своими союзниками. Однако захватчикам и этого оказалось мало. Рангоры хотели полного порабощения ближайших разумных цивилизаций и бросились в погоню за беглецами.

В попытке аллоидов и инооков найти помощь в другой галактике три расы, на свою беду, оказались в нашей Солнечной системе, изолированной от высоких технологий, имеющей всего одну населённую планету под названием «Земля». Ресурсы каждой расы были на исходе, потому им ничего не оставалось, как спуститься прямо на наши головы.

Как выяснилось позже, из-за радиационного поля нашей системы, которое излучало наше светило, ни один корабль покинуть её уже не сможет. Как рассчитали тартиане: «Пока можно лишь войти. Выйти станет возможным только через пару миллиардов лет, когда солнечная энергия заметно ослабнет».

Таким образом, все мы и стали «дружными» соседями.

Топливо алоидов не дает нашей планете восстановиться. Распространяя яд по воздуху, оно высушивает ее, делает атмосферу Земли более благоприятной для алоидов и менее благоприятной для нас. Вода, земля, небо — все поражено этой странной прозрачной субстанцией, похожей на слизь, которая кристаллизуется при контакте с пресной водой, а при нагревании превращается в ядовитый газ.

Заветная энергия, что так привлекала рангоров, стала их самым большим кошмаром. Источником вечной энергии оказалась разрушительная сила, не поддающаяся поглощению. Засуха и яд, так же как и нас, убивают рангоров, вынуждают их прятаться под энергощитом и тратить свои последние запасы потока, который просто нечем больше восполнить, на фильтрацию воздуха.

По словам самих алоидов, токсичную магму (топливо) невозможно контролировать или уничтожить. Она — это природная разумная субстанция, подстраивающая все, что ее окружает, под свои комфортные условия.

Чтобы хоть как-то помочь, тартиане поделились своими уникальными технологиями.

Защитный купол сдерживает влияние токсичной магмы и не дает нашим землям превратиться в песок. Также он не позволяет нашим телам разлагаться от воздействия яда, который магма вырабатывает благодаря нагреву от солнечных лучей.

Воздухоочистители позволяют нам свободно дышать, не отравляя организм. Фильтрующие маски дают нам возможность временно покидать периметр купола.

Капсулы-блокаторы помогают находиться за пределами Искры продолжительное время с меньшим ущербом для организма.

Восстанавливающие вакцины дают возможность прожить еще 15–20 лет после долгого воздействия внешней среды.

Это лишь небольшая часть возможностей, которые нам дали наши союзники, как выяснилось позже, не задаром.

Сегодня меня ничто не раздражало. Даже пожилой сосед из квартиры напротив, который постоянно оставлял свой мусор у моей двери. Сегодня я просто донесу его до бака для переработки. Не раздражала и большая вонючая лужа, из-за постоянно лопающихся канализационных труб, которая всегда была у наших ступеней. Обходить ее было сложно, обтираясь боком о стену дома.

В нашем районе всегда было грязно, мокро и воняло. Отчасти потому, что он находился на дне оврага, куда солнечный свет попадал нечасто. Самое дешевое жилье, которое раздавали в детдоме на шестнадцатилетие. Жизнь в этом месте действительно отличалась от той, что наверху. Другой уровень качества продуктов, обслуживания и совсем другой уровень преступности. Но даже прожить жизнь в таких условиях пугает меня куда меньше, чем перспектива поездки в пустошь. И остается только одна надежда — на Сарена и его слово.

В 2068 году некий Александр Шарков основал первую больницу, а рядом с ней — исследовательский центр, научный центр биологических исследований, сокращенно «ЦБИ». Он планировал изучать там наших захватчиков, но у него вышло гораздо больше. Шарков смог извлечь из тела рангора железу, которая воспроизводит энергию и качает ее по всему орга-

низму, прокладывая в нем пути — своего рода энергоены; а также он смог извлечь ген, отвечающий за передачу этой способности. Целую жизнь он работал над тем, чтобы не просто пересадить железу в тело человека, но и сделать так, чтобы она стала частью человеческого организма на все поколения вперед.

Первый удавшийся эксперимент был произведен им, уже на исходе жизненных сил, над собственным сыном. Это и положило начало человеческой адаптации под новые условия существования. Александр Шарков подарил нам возможность выжить в новом мире, но также обрёл на нелегкую судьбу тех, кому досталась эта сила.

Нас называют «допами» — от слова «дополненный». Новая сила получила название «искра». Количество людей, владеющих искрой, строго контролируется Большим Советом. Создавать семьи и заводить детей допам в стране можно только по разрешению того же Совета, в который входят как допы, так и обычные люди. И только это сохраняет мир между людьми и нами.

Если ты обладаешь силой искры и не был востребован в своей стране, заняв важную должность, то будь добр отдать долг Родине. Это главный пункт в договоре, поддерживающий мир внутри страны. «Допы должны приносить пользу. А если бед от них больше, чем пользы, то их следует истребить». Это всегда было возможно благодаря особому контролю.

Пятилетняя служба в первую очередь ждёт таких, как я, — детдомовских. Ведь наше положение в обществе шатко. Мы не обладаем достойной репутацией, а значит, опасны в глазах общественности.

Искра отличается от потока рангоров в первую очередь своей мощью. Искра заметно проигрывает. Наша энергия производится железой, и мы не способны поглощать ее из живых организмов, как это делали рангоры до экологической катастрофы. У нас нет большого запаса энергии, как у противника, и мы ограничены в способностях. Рангор владеет различными формами потока, а человек может лишь одной.

Получается, что наши возможности полностью зависят от количества предельной энергии, которую может воспроизводить дополнительная железа. Стоит подметить, что у каждого допа свой предел энергии, как и время ее естественного восстановления.

Чтобы добраться до университета, нужно было пройти пешком пару километров темными дворами до самого подъемника. Оттуда на электричке полчаса ехать до малого центра города и ещё пешком около километра до самого университета «Зелёная Искра». И я благодарила все искры за то, что этот ежедневный поход сегодня станет последним.

По дороге к подъемнику я встретила свою давнюю подругу — тетю Иру. Мы часто сидели под крышей старого бара и болтали обо всем на свете. Она, радостно улыбаясь, пожелала мне удачи. Я обняла ее, про себя отметив, как сильно она похудела.

Сейчас в ее семье непростые времена. Мужу отказали в пособии по инвалидности. Работать он не может. А тетя Ира в силу своего возраста не может работать больше, чем работает. Она у нас единственный врач во всем овраге. Бралась чуть ли не за самые тяжёлые случаи, насколько позволяли знания, оборудование и выделяемые больнице медикаменты. Хотя это полуразрушенное маленькое здание так и назвать нельзя.

Многие знания я переняла именно у нее, когда проходила практику в этой больнице. Мне удалось увидеть столько трупов, сколько можно увидеть только в пустоши.

На сегодняшний день существует 5 типов искры:

Красная или Кровавая искра.

Вымирающий тип, известный нам только из научных статей, написанных для общего изучения энергии допов.

Описание этой способности звучит всегда так: контроль над телом и всем его содержимым.

Тарон Зилитский, выдающийся, но ныне покойный исследователь предела возможностей внедренного органа, последователь идей Александра Шаркова, в своих заметках писал: «Хотя кажется, что эта способность идеальна для войны, управлять этой силой сложнее, чем остальными. У некоторых представителей этого типа искры уходит вся жизнь, чтобы научиться управлять чужим телом, и годы, чтобы в порыве гнева не взорвать чью-то, а возможно даже свою голову».

Из истории:

«Во время испытаний новой силы Красная искра показала себя крайне агрессивно, и Совет стал переживать за безопасность населения. Зачастили случаи убийств по неосторожности, обычно в пылу ссоры. А также происходили частые самоубийства в попытках совладать с собственными силами. Способов контроля энергии на тот момент ещё не было. Тогда Совет принял решение истребить большую часть владельцев этой искры, чтобы исключить их стремительное размножение. Даже сейчас Совет опасается разводить «красное» потомство и строго контролирует их популяцию».

На самом деле никто не слышал о них уже много лет в пределах Искры. Однако, если верить слухам, их сейчас можно встретить в каждом военном поселении в пустоши.

Новости с полей до нас доходят уже обработанными. Многие вещи остаются засекреченными. Большую их часть люди додумывают сами.

Недавно, например, прошел слух, что в стране алоидов началась гражданская война. Будто их Королева уже стара и потеряла способность к размножению, и к власти стремится новая молодая Матка. Но нынешняя Королева уходит с поста не желает, что разделило народ на два лагеря.

Также говорят, что по приказу молодой Матки военные лагеря наводнили Кровавые допы, якобы для усиления военной мощи.

Каменная искра.

Позволяет владельцу менять форму камня, возводить из него стены и даже делать из камня броню. Они крайне выносливы, и их физическая сила превосходит силу любого другого допа.

Наивысшее проявление этой силы заключается в создании каменной породы из собственной искры, а не в использовании готового ресурса.

На данный момент больше всего обладателей именно этого типа искры.

Если хотя бы один из родителей обладает этим типом искры, то со стопроцентной вероятностью их ребенок тоже будет каменщиком.

Огненная искра или искра «Вспышка».

Обладатель искры «Вспышка» может управлять огнем и заставлять гореть свое тело без угрозы для своей жизни. Достаточно редкая способность. Оба родителя обязаны обладать этой силой, чтобы получить такого же обладателя этой способности. Однако чаще всего у таких пар рождаются девочки.

Владельцы этой искры очень часто страдают паническими атаками. Психологи считают, что это связано с инстинктом самосохранения. Вполне нормально бояться огня, этот страх в человеческой природе.

Контроль над этой силой дается непросто. Еще сложнее не вызвать пламя, а заставить его потухнуть.

Каждый Огненный доп стоит на учете у психиатра, так как и малого огня достаточно для создания пожара. А сдерживать искру полностью в пределах страны считается нарушением прав допа на получение специального образования и подготовку к военным действиям.

Грозовая искра.

Она может проявляться в виде молнии, дождя или ветра. Может быть разящей или маскировочной. Все зависит от того, какое направление выберет сам доп. Он может создавать молнии и ветер из собственной искры, а при большом запасе энергии может научиться нагонять тучи и призывать грозу, дождь, ветряные вихри.

Вторая по популярности способность после каменщиков. Хотя рождаются они не чаще Огненных, но популяция Грозовых допов была специально увеличена с помощью искусственного инкубатора. Они, как и каменщики, крайне полезны как в военной структуре, так и для поддержания некоторых структур в стране. Например, для поддержания погодных условий: под куполом очень важно сохранять определенный климат.

Зеленая искра.

Эта сила связана с жизнью. Предполагается, что ее обладатель способен оживить неживое. И хотя многие записи в библиотеке новой истории подтверждают такие случаи, сейчас сила любой искры не способна на такие масштабные действия, как около сотни лет назад. Но допы находят все новые и новые способы, которые помогают усилить энергию и обойти вопрос предела.

Зеленая искра — редкая и самая ценная на сегодняшний день сила. Причина тому не только в том, что достойного допврача днем с огнем не сыщешь, но и в их необходимости в нынешнем положении дел в мире.

Обладателей искр, сражающихся за наше будущее в пустоши, при серьезном ранении, нанесенном потоком врага, обычный медик спасти не в силах. К сожалению, наши товарищи гибнут в большом количестве, и причина тому — неравенство сил. Чтобы увеличить их шансы на выживание, допы с Зеленой искрой просто необходимы на поле боя.

Если говорить о том, почему эта способность является редким даром, то это однозначно вопрос генетики. Эта сила изначально была получена не тем же путем, что и остальные. Ее вывели путем скрещивания двух разных рас. Это произошло на годы позже того, как Шарков создал первых допов путем внедрения железа и гена.

На пути к созданию Зеленых допов и сейчас стоит множество препятствий.

Начнем с того, что выносить и родить здорового допа с любой искрой, кроме Зеленой, способен только доп. Также существует этическая дилемма: допы, или дополненные люди, вообще не считаются людьми, разве что называются так. Смешение обычных и необычных людей считается не только неправильным, но и опасным, и может быть смертельным для обычного человека, особенно если в этой паре обычная — женщина. Такие союзы вызывают в обществе волнения.

Доказать чистоту намерений для такой пары крайне сложно, проще сдать и не идти против течения. Но если все же пошел против, то здесь на помощь допу приходит обязательное заключение договора «о нестандартных отношениях». Плюс договора в том, что сторона, не обладающая энергией искры, подписывает согласие на эти отношения, тем самым снимая со своего спутника жизни ответственность за возможное причинение повреждений и даже непреднамеренное убийство. Но есть и минус: статус данной семьи падает до минимума, и это лишает их многих возможностей, касающихся работы и образования.

Исключением из морального гнета общественности и неодобрения со стороны Совета являются пары, состоящие из мужчины — обладателя Зеленой искры — и женщины без особых способностей. Однако есть обязательное условие: целью данного союза должно быть зачатие потомства. Такой союз также должен быть защищен договором «о нестанадцатных отношениях».

Зеленая искра передается только по мужской линии. Допврачи женского пола, как правило, бесплодны. И чтобы получить потомство, обладающее Зеленой энергией, второй родитель не должен быть обременен какой-либо силой. Однако вероятность того, что женщина без способностей сможет выносить необычного ребенка, крайне мала. Обычно плод погибает на 21-й неделе. Но даже если этого не происходит, на протяжении всего срока мать становится прикормкой для плода. Часто, примерно на 32-й неделе, мать умирает. Вероятность того, что плод в таком случае выживает, также невысока.

Однако ученые нашли одно решение этой проблемы: искусственный инкубатор. Правда, они до сих пор не могут понять, почему у детей, рожденных в таких условиях, искра много теряет в предельной энергии. И зачастую такие дети вовсе не способны ее использовать. Хорошие образцы попадают к влиятельным родителям до востребования. Иногда им даже удается остаться в стране, когда подходит их срок службы.

В редких случаях, когда родители все же идут на жертву и решаются завести потомство естественным путем, на протяжении всей беременности женщина находится в стационаре под постоянным наблюдением врачей. Иногда у них все же получается родить здоровое потомство и даже выжить после родов. Статус такой семьи сразу повышается, и до конца жизни им больше не приходится ни в чем нуждаться. Таких детей страна предпочитает оставлять себе: они учатся в элитных заведениях и получают лучшие рабочие места. А мы их называем «мажоры».

Зелёная искра крайне сложна в использовании. В отличие от других четырех типов, этот никак не связан с эмоциональным фоном. Ей нельзя пользоваться по наитию, и применять эту силу позволено только после прохождения специальных курсов. А чтобы получить лицензию для работы в больнице или научном центре, необходимо отучиться шесть лет в высшем учебном заведении.

Проходя мимо бесплатной столовой для бедняков, где всегда пахло кислыми овощными кубиками, я заметила Мишу.

Маленькому Мише всего 5 лет, но он уже имеет свой заработок: убирает мусор и моет столы в местном баре напротив столовой.

Заметив меня, он резво замахал рукой, заманивая пропустить стаканчик незаконного самогона местного производства. Я, улыбаясь, помотала головой в знак отказа. Он сердито нахмурился и показал мне язык. Я лишь рассмеялась в ответ.

Его отец — завсегдатай в этом самом баре, а мать Миша давно потерял. Тетя Ира рассказывала, что она сошла с ума и воткнула себе в глаз спицу от сушилки для одежды. Еще одна жертва обязательной военной службы.

Ржавый подъемник с открытой кабиной, как обычно, возмущенно скрипел, поднимая меня наверх. Каждый раз я нервно перебирала волосы, стараясь не смотреть вниз. На меня накатывала паника, и вспоминался страшный случай из моего детства.

Это случилось пятнадцать лет назад. Местная больница обслуживала наш приют «Лучик света», за милым названием которого пряталась, скорее, детская строгая зона с отдельной

пыточной камерой. Раз в год нас всем скопом водили в эту больницу — уже тогда это здание выглядело как большой сарай — на обследование. Няньки «мило» называли это событие «зверинец на выезде». Они никогда особо не следили за нами, не делали перекличку, не сверялись с количеством подопечных в своем списке. Это было ни к чему: дети «строгой зоны» воспитывались соответственно. Поэтому «зверинец на выезде» для некоторых из нас был любимым событием. Ребята постарше первыми проходили осмотр, а потом сбегали в какой-нибудь двор, чтобы купить «травы» и накуриться. А уж найти сие сокровище в Овраге и сейчас можно на каждом углу.

В этот раз я тоже оказалась в числе первых, кого осмотрели, и впервые сбежала из-под надзора — одно название — нянек. Я не собиралась курить со старшими: меня бы и не взяли. Я хотела лишь свободно прогуляться по окрестностям. До этого момента я знала и видела только те места, которые нам было позволено посещать. Но до двенадцати лет младшая школа была в самом приюте, так что выходить из детдома не требовалось, а значит, запрещалось.

Овраг всегда был той еще дырой, но тогда это место показалось мне волшебным. Дети свободно бегали по улицам, пока их мамы развешивали мокрое белье на веревки, а отцы надирались у местного бара уже с утра пораньше. Старушки громко отчитывали местную шпану, сидя на скамейках целыми стаями. Казалось, что все делали только то, что хотели. И каждый двор был оживлен и весел. В воздухе пахло свободой.

Я дошла до подъемника, у которого собралась большая очередь. Передо мной выросла огромная дощатая стена бордового цвета. Отсюда мы пришли, спускались на этом большом скрипучем лифте без кабины. Я посмотрела по сторонам, ища глазами, где заканчивается эта стена. Оказалось, что она идет по кругу, то скрываясь за домами, то выглядывая из-за них. Ближе к другому концу Оврага она становится ниже, и на противоположной стороне ее уже и не было видно. После переезда в это место я узнала, что на противоположном от подъемника конце вырыт пешеходный тоннель, ведущий к Верхнему городу, потому что подъем там намного меньше.

Я смотрела и смотрела, как подъемник, полный людей, поднимается вверх, а затем пустой спускается вниз. Лица людей были хмурыми и уставшими. Какой-то мужик зевнул, и вот уже все зевали, даже я. «Наверное, тяжело быть взрослым», — решила я. Вот в лифт снова набилась толпа народа. Я подумала: «Как же эта штука выдерживает такую нагрузку из раза в раз?»

Среди большой толпы я заметила маленькую девочку. Она стояла у самых перил и зачем-то нагибалась, будто желая подобрать упавшую вещь. Но подъемник закрипел и начал лениво подниматься. Девочка вскрикнула, когда ее ножка соскользнула с края, и она осталась в неустойчивом положении. Отчаянно пытаюсь подтянуться, она цеплялась за перила изо всех сил. Но подъемник ускорился, и почти у самого верха его сильно дернуло. Девочка на моих глазах пролетела под перилами и с большой высоты упала на землю.

Люди ахали и вытирали свою одежду платками. Но никто из них не двинулся с места, чтобы узнать, как она. Никто не плакал и не звал врача. А когда она падала, никто не попытался схватить ее. Словно это было не их дело.

Я стояла внизу и не могла отвести взгляд от ее неподвижного тела. Она лежала лицом вниз, а под ней растекалась лужа красной жидкости. На мое лицо попали ее брызги. Я заплакала, и люди повернулись ко мне, недовольно хмурия лица. Кто-то крикнул:

— Позовите сторожа! Долго мы должны на это смотреть?! Ребенок плачет!

Тогда я не понимала, почему никто не помог ей, не схватил и не затащил обратно, объяснив, что так нельзя.

Теперь я знаю.

Родители девочки были протестантами, которых раскрыли и вышвырнули из страны. После такого девочке не было положено жилье и даже бесплатная еда. И никто не стал бы

помогать ей, но никто не стал бы и марать руки, убивая ребенка. Будь она на десять лет старше, отправилась бы вслед за родителями.

Хочется верить в справедливость, равенство и принципы, о которых кричат нам из каждой бочки. Но, по правде говоря, не будь та девочка «допом», что бы ни сделали ее родители, о ней бы позаботились. Возможно, и были люди в Овраге, которые проявляли к ней заботу. Возможно, она даже не была бездомной, и кто-нибудь приютил девочку у себя. Однако в тот день на этом скрипучем подъемнике хороших людей не оказалось.

«Как не растерять все человеческое, существуя в таком мире?» — назойливый вопрос, что тревожит меня каждый раз, когда я слышу этот скрип.

Если бы меня спросили, почему я, будучи ценным кадром, прозябаю на дне Оврага, я бы ответила: «Все просто. Я зубрилка, много знаю, история — мой конек. В теории я бы могла вернуть человека с того света, а вот на практике... Я просто инвалид. Ребенок из прорирки, и моя предельная энергия настолько мала, что, даже зашивая рану зеленой иглой, я выжимаю себя до предела. Мне помогают усилители: травы, цветы, корни — все это активаторы для целенаправленного лечения. Благодаря тому, что я много знаю о них, я могу их умело использовать, и только так справляюсь с поставленной задачей».

Таких, как я, хватает. Нас редко берут в расчет, когда дело касается образования и работы. Нас просто выкидывают за пределы купола, когда подходит срок службы, и не ждут, что мы вернемся.

Со службы редко возвращаются, еще реже возвращаются целыми. Пять лет в ядовитой зоне, что находится там, за куполом Искры, приводят к необратимым последствиям. Блокаторы, что ставят военным при выезде из страны, не спасают полностью. По возвращении жить можно, принимая специальные препараты, которые они не могут себе позволить, потому что не способны работать, а пособия для ветеранов, коих немного, ничтожно малы.

Препараты могут выиграть еще лет пятнадцать к пяти оставшимся. В Пустоши можно прожить десять лет при регулярном употреблении восстанавливающих настоек. Потому есть такие, кто просто остается там, понимая, что и здесь их ничего не ждет. Конечно, каждый уходит с надеждой вернуться обратно к родным. Но в итоге все осознают, что, вернувшись, станут для них обузой. Они оказываются в таких местах, как наш Овраг, и часто просто кончают с собой.

Каждый доп способен раскрыть свои силы по-разному. Искра для нас — неотъемлемая часть нашей сущности, словно шестое чувство или ещё одна система кровообращения. Кажется, что если обуздать её, то можно стать совсем другим существом и жить не в страхе, а в гармонии с миром, если бы перед нами не стояла одна важная задача — выживание.

Однако использовать силу в пределах страны можно лишь по необходимости: на работе или учёбе. Её предел сильно ограничен специальным ошейником, который носит каждый обладатель способностей. Ошейник считывает энергию и блокирует поток, если используешь её выше допустимой нормы. И я слышала от своего друга, что процедура весьма болезненная.

Однажды он на практике слегка не рассчитал силы, спасая не настоящего пациента. Он так затрясся, словно его молнией поразило, и сковало всё тело. После этого он целых полчаса лежал в отключке.

Также ошейник считывает намерения допа. Он способен даже убить, если тот решит попытаться навредить кому-либо с помощью своих способностей.

Ошейник невозможно снять самостоятельно — чревато мгновенной смертью. Его наращивают при необходимости в любой клинике любого города. Представляет собой тонкий металлический обруч с пластиковым индикатором. Когда он горит зелёным, всё в порядке, но если загорится красным — включается блокиратор потока.

Наш новый мир построен на принципах репутации и преданности общему делу. В нем не предполагается компромиссов или выбора — только заповеди, единые для всех.

Некоторые из них предельно ясны. К примеру, несколько заповедей, предполагающих строгое наказание:

Нельзя причинять вред отдельной личности, как моральный, так и физический.

Нельзя лишать имущества отдельную личность без письменного разрешения Малого судейского совета.

Любые религиозные культы внутри страны запрещены. Есть только одна вера — вера в Семерых. Еретики, отступники и протестанты караются высшей мерой наказания.

Или несколько заповедей, предполагающих легкое наказание:

Нельзя нарушать комендантский час.

Нельзя производить и распространять алкоголь.

Также есть заповеди, позволяющие следующее:

Каждый может проживать в любой точке страны, если то позволяет его репутация.

Каждый может свободно выбирать спутника жизни, не нарушая свобод другого субъекта.

Есть и привилегированные заповеди. Они касаются людей с высокой репутацией. Проще сказать, что им запрещено, чем перечислить все, что им можно.

Впрочем, это были лишь простые и понятные примеры. Есть такие, которые объяснить могут лишь те, кто их писал. Например:

Запрещается просто стоять на открытой улице.

В определенных городах нельзя ходить прогулочным шагом в местах, не предназначенных для прогулок.

Стоит сказать, что гулять можно только в немногочисленных маленьких парках.

Существуют также такие заповеди, которые предельно ясны, но так же предельно несправедливы. Например, нельзя выражать несогласие с решением Совета или любыми способами агитировать людей на несогласие.

Так выглядит запрет на свободу слова. Так выглядит диктатура. Кстати, за нарушение этой заповеди положена высшая мера наказания — пожизненный военный билет. Даже обычные люди перед ней бессильны. Их также выбрасывают в пустошь, хоть военная служба их никак не касается. Что происходит с ними там, никто не рассказывает.

Советом называют допов и людей, стоящих во главе каких-либо структур в стране. Есть малые советники, которые непосредственно ведут эти структуры: управляют предприятиями, числятся в судейской коллегии или возглавляют военные сферы. Они делятся на первых, вторых и третьих по значимости. Простыми словами, они управленцы с высокой репутацией.

Также есть Большой Совет. Его представителей всего семь, как и наших отцов-основателей. Через них проходит весь Малый Совет, и только с их одобрения делается что-либо в стране.

Станция встретила меня своей прохладой. Ни души сегодня не было в ожидании электрички. Мягкий солнечный свет падал на тротуар. Так приятно было вновь увидеть ярко-зеленое небо.

Глядя в окно электрички, я в который раз невольно сравниваю два абсолютно разных района.

Унылые улицы, постоянная слякоть и постоянный сумрак — это то, что я вижу каждый день в окне комнатухи, когда хожу в магазин или тороплюсь к подъемнику.

«Никакого спиртного», — гласит семнадцатая *легкокарательная* заповедь. Однако здесь вполне процветает алкогольный бизнес. Худший самогон из гнилых обрезков для питательных кубиков продают в лучших ночных барах Оврага. К нам слетаются даже блюстители правопорядка, чтобы навести беспорядки там, где о правилах и не слышали.

У бара стоят женщины, продающие себя, чтобы прожить еще один ничтожный день в забвении, отдающие свои тела за лекарства от облучения. «Они же воевали за нас! Но кто они теперь?»

Справедливость? О ней могут рассуждать те, кто наверху и имеет все возможности; те, кто каждый день может ощущать тепло искусственного солнца. Никто не ищет уродство, когда вокруг такая красота.

И что же я вижу, глядя в окно электрички?

Высокие здания, будто сделанные из стекла. Их окна отражают солнечный свет, которого так недостаёт там, внизу. В этом городе светло даже ночью. Яркие вывески, развешанные повсюду, заманивали своим свечением и миганием туристов из мелких городов, где, кроме пары магазинов, не было никаких мест для общения.

Самый богатый город страны и одновременно самый бедный. Он удивляет своей зелёной растительностью, которой почти не осталось на целой планете, и поражает разрухой на дне оврага, где тоже живут люди, забытые всеми, умирающие в одиночестве. Где живут старики, сумевшие вернуться с войны, и такие, как я, детдомовские, которым ещё предстоит пройти через боль и настоящий кошмар. Где живут допы с самым низким рейтингом, которым закрыли все пути к лучшей жизни.

Город Возрождение — столица Искры с населением один миллион человек. Он находится на первом месте по количеству проживающих допов. Это самый большой город в стране.

Главной достопримечательностью Верхнего города, конечно, является его зелёный парк. Там можно увидеть множество лиственных деревьев, кусты роз разных цветов, ягодные поляны и даже плодовые деревья. Такое в нашей стране не встретишь на улицах. Только в специальных закрытых теплицах. Плоды и ягоды, конечно, трогать запрещено, но даже один их вид и запах дорого стоит. Когда плоды созревают, их собирают и отвозят на заводы по производству питательных капсул и фруктовых кубиков.

В самом центре парка находится кристальное озеро, огороженное живой изгородью. Его называют кристальным, потому что вода в озере заражена голубым стеклом.

Субстанция, которую Алоиды называют топливом или разумной магмой, попадая в пресную воду, кристаллизуется и опускается на дно. В таком виде она уже не несет ядовитую опасность, зато несет опасность физического характера. Эти кристаллы отражают любой, даже очень слабый свет. При свете искусственной луны голубое мерцание словно поднимается над водяной гладью и создаёт иллюзорные узоры из плавных переплетающихся линий. И это завораживает. Но если нарушить спокойствие воды, погрузив в нее живой организм, она в одно мгновение превратится в твердый единый кусок кристалла и не вернется в нормальное состояние, пока организм не станет ее частью.

К примеру, будь это человеческая рука, погруженная ее часть была бы мгновенно ампутирована. Затем вода бы снова стала водой, а кристаллы опустились бы на дно, полностью поглотив конечность. Таким образом пропала вся рыба в пресных водоемах.

Однако эта страшная зараза позволяет одним шустрым предпринимателям хорошо зарабатывать на желающих провести романтический вечер. Сейчас это самое дорогое место в стране.

Удивительно так же для туриста было бы увидеть дороги, по которым передвигались электрички. Они есть как наземные, так и воздушные. Стеклоплавильные трубы под самым куполом нависают над всей территорией города. В них проходят электрические рельсы, по которым на высоких скоростях проносятся поезда. Они являются единственным транспортом внутри города. Электричество — заслуга наших Грозных допов. Еще одна важная структура, ради которой искусственно увеличили их количество.

В малых городах и деревнях нет вообще никакого транспорта. В более прогрессивных и достаточно больших городах есть электротакси. Раньше у нас тоже были такие. Эти машины с низким уровнем безопасности. Ими управлял компьютер, программа часто давала сбой, из-за чего случались аварии. И Совет принял решение постепенно отказаться от них.

Но, наверное, самое первое, что бросается в глаза, — это всюду развешанные агитационные плакаты. Они призывали молодых мужчин и женщин идти в добровольческие войска: «Мир нуждается в тебе!» или «Ради будущего людей!» и всё в таком духе. Страшный сон любого ребёнка. На каждом шагу всё напоминает о том, ради чего он живёт. Плакаты, баннеры, реклама на больших экранах словно говорят: «Тебе не отвертеться!»

Я вышла на своей станции, и дальше моя дорога простиралась через подземный переход длиной в целый километр. На протяжении всего пути можно было любоваться только серыми стенами и потолком, освещаемыми тусклым жёлтым светом ламп, половина которых уже давно перегорела. Иногда встречаются капсульные автоматы и автоматы с энергетическими напитками.

Мы давно перешли на капсульную пищу в целях экономии ресурсов. Чтобы вырастить на тепличных полях что-то съедобное, нужно много специальных химических удобрений. С каждым годом состав их меняется, потому что меняется и сама почва. К сожалению, количество урожая также с каждым годом становится всё меньше.

Питательные травы пришли на смену зерну, плодовым и корневым съедобным растениям ещё сто лет назад, когда наши поля пустели, а в стране царил страшный голод.

Ботаник Алексей Петров вывел этот сорт съедобной травы, который обогащён всеми необходимыми микроэлементами, содержит правильное количество белков, жиров и углеводов, а также быстро и надолго утоляет голод. Из этой травы состоят питательные капсулы для военных; питательные кубики и настойки как для военных, так и для простых граждан. А различные вкусовые добавки позволяют это проглотить. Фрукты и ягоды, которые позднее снова стали выращивать, добавляются во фруктовые и ягодные кубики или коктейли. Разнообразию предела нет. Каждый месяц какую-нибудь новинку вводят. «Если бы ещё и вкус отличался...». У этой чудо-травы крайне неперебиваемый аромат.

Но есть и особые теплицы, где растут настоящие овощи. И фермы, где разводят поросят и кур. В ресторанах для важных особ подают изысканные блюда, в которых нет и грамма этого противного питательного растения, которым пичкают остальных — менее важных.

Людно в этом переходе не бывает, особенно по утрам. А по вечерам здесь часто обитают протестующие с плакатами: «Нет войне!».

Одного такого мне все же «повезло» встретить у самого выхода.

«Что-то он рановато», – прикинула я.

Худощавый старик в потрепанном плаще на голый торс, в разорванных штанах и с босыми ногами еле стоял, держа в трясущихся руках лист бумаги с надписью: «Откройте глаза!» Заметив мое приближение, он перегородил мне путь. Его безумный взгляд вызвал во мне чувство паники. Я замедлила шаг.

— Откройте глаза! — громко прокричал он, выставив лист бумаги вперёд. — Наши враги держат нас под куполом, как рабов! Они ставят на нас свои эксперименты! Сражайтесь, люди!

Я остановилась, думая, как его обойти, но тот двинулся прямо ко мне. Я не могла оторвать от него взгляд. Он был весь обросший, грязный, около носа — застывшая кровь. «Откуда он такой взялся?» Патруль хорошо чистит улицы Верхнего города. Такого, как он, не могли не заметить еще на подходе к этому переходу.

Старик успел подойти совсем близко, пока я разглядывала его в полном ступоре, остановился всего в полуметре от меня и заговорил тише:

— Они ведут нас на свою войну, используют наши силы против нас самих! Откройте глаза! Мы колония рабов наших захватчиков!

— Эй, ты! — чей-то грубый голос раздался эхом в тоннеле.

Старик оглянулся: ему кричал патрульный. Мужчина быстро приближался, а старик с новой силой закричал:

— Откройте глаза!

— Ну всё! Пошли отсюда! — уставшим тоном сказал плечистый мужчина с густой крашеной бородкой.

Он схватил старика за рукав и потянул на улицу.

«Теперь его увезут с концами. Говорят, таких отправляют в лечебницу на западе страны. Кто-то считает, что у нас вообще не лечат сумасшествие, а просто отправляют таких на войну, как иноверцев. Но точно никто не скажет, что с ними делают».

Эти слова я слышала не раз. Пропаганда рабства то и дело всплывает на улицах в виде митингов, которые очень быстро гасят органы правопорядка. Это страшное преступление, за которое людей ссылают в колонии, откуда они первым же поездом уезжают на границу, а оттуда — в военные лагеря.

— Девушка! — мужчина в синей робе обернулся, обращаясь ко мне. — Не стойте, идите по своим делам!

Такова наша система безопасности на улицах и в переулках Верхнего города: нельзя стоять, сидеть и разговаривать, а также собираться в группы, если это не остановка или общественный центр. Нельзя есть, пить или идти медленным шагом. Штраф патрульные списывают с твоего счета на месте.

Выйдя на поверхность, я увидела офисное здание — одно из тех, что я называла стеклянными. На одной стороне его красовался большой экран, где крутили рекламу компании «Мирный берег».

Компания «Мирный берег», филиалы которой рассыпаны по всем городам. Ее здания видны невооруженным глазом почти с любой точки города. Она же является управляющей, главенствующей компанией страны и принадлежит, конечно же, Большому Совету. А управляется как раз Малым Советом. Каждой ее структуре отведено по три малых советника.

Корпорация занимается буквально всем: начиная от пищи, заканчивая политикой страны. Ее база находится именно здесь, в городе «Возрождение». Название города выбрано не случайно. Именно здесь был заложен первый камень новой жизни. Семь человек сто лет назад

взяли на себя ответственность за жизни миллионов других, и с тех пор эти посты передаются достойнейшим.

Александр Шарков — основатель больницы и центра биологических исследований при ней (ЦБИ).

Алексей Петров основал тепличные центры, где вывел сорт съедобных питательных растений и превратил их в питательные капсулы, ставшие заменой обычной пищи.

Григорий Меньшов— основатель общеобразовательных и высших учебных заведений.

Виктор Шульгин создал военные корпуса для сбора добровольцев с целью расширения и охраны территорий.

Дмитрий Шутков— хранитель истории, открывший первую библиотеку, где хранятся все уцелевшие издания Старого мира и где по сей день пишется история Нового мира.

Вячеслав Лепкин— основатель производственного центра военной техники, создатель корпусов по сбору военной техники и изучению новых иноземных технологий.

Олег Большов— основатель нового законодательства и нового порядка нашего мира. Он заложил первый камень Дома Закона для поддержания порядка и спокойствия граждан. Впоследствии Дом Закона был переквалифицирован из цитадели власти и порядка в здание Веры и правосудия. Законы стали заповедями, а наказание — карой земных богов, называющих себя Советом.

Все они — основатели корпорации «Мирный берег» и наши герои-спасители. В каждом городе страны стоят их статуи, слепленные по их портретам и фотографиям. «Если вы не знаете, кого просить о помощи, — молитесь Семерым», — предлагает нам Большой Совет.

Большое здание метров шестидесяти в высоту с купольной крышей из стекла стояло в самом центре города. Архитектура этой постройки была выполнена в стиле Старого мира. Здание больше походило на некий замок.

Мне бывало приходилось сталкиваться с книгами о старой архитектуре времен «До пришествия». Там были представлены похожие постройки, состоящие полностью из камня.

Вместо окон у здания Веры были небольшие арки без стекла. А двустворчатые двери были настолько гигантские, что казалось, обычный человек не смог бы их открыть — только какой-нибудь великан. С четырех углов замка стояли башни, предназначение которых оставалось загадкой. Их обвивали винтовые ступени, но на самой их вершине не было никаких дверей или арок.

Самое удивительное, что здание Веры не имело никакой дополнительной защиты и даже охраны. За всю историю Нового мира ни один протестант не решился проникнуть туда или как-то навредить Совету.

На самом деле выглядела эта обитель Совета очень внушительно и даже пугающе, словно говорила: «Здесь тебя ждет только страх и боль!» Возможно, и правда, его устрашающий вид отпугивал даже отступников. Внутри мне никогда не приходилось быть. Думаю, что оно и к лучшему.

Пока я шла в направлении стеклянной постройки, реклама на экране менялась, показывая все структуры компании. И вот мне уже улыбается белоснежными зубами Теона – мать Сарена. Она проводит экскурсию по ЦБИ, приглашая на работу юных гениев. Вспоминая, как нас водили на экскурсии в больницу и ЦБИ, невольно погружаюсь в этот мир моей мечты.

Огромная больница имени Шаркова при исследовательском центре имени Шаркова является главной гордостью страны и также принадлежит корпорации «Мирный берег». Каждый студент университета «Зеленая искра» мечтает устроиться работать именно туда.

Она неспроста находится на самом отшибе города. В самом городе эти два огромных здания просто заняли бы все пространство. Сама больница имеет два огромных корпуса, в каждом — шесть этажей. А у здания ЦБИ — целых четыре корпуса и огромное пространство для проведения сверхсекретных испытаний.

Множество слухов ходит вокруг этого места. К сожалению, эти люди своих тайн не раскрывают.

Нежно-голубые стены больницы внушают спокойствие и доверие. Верхняя половина окон затянута белой матовой пленкой, нижняя оставалась прозрачной. Периметр огорожен белой стеной-барьером. Вход также оснащен охранной системой. Арка белого барьера сканирует чип личности и проверяет исправность ошейника. За ней стоит всего один охранник. Если что-то покажется ему подозрительным, он может задержать человека. И у него имеются все полномочия использовать силу искры.

Как правило, в охране служат люди, имеющие силу каменной искры. Таких допов за последние пятьдесят лет рождалось больше остальных в нашей стране. Они могут занимать должности от обычного охранника до строителя и, конечно же, чаще всего встречаются в военной сфере.

ЦБИ, что располагается за самой больницей, имеет совершенно другой уровень охранной системы. Вся территория спрятана под зеленым, снаружи взглядонепроницаемым барьером. Он реагирует на любое несанкционированное проникновение и моментально затвердевает.

Как-то в новостях крутили ролик с камер наблюдения: несколько протестующих в попытке вломиться в ЦБИ были раздавлены этим самым барьером. Зрелище крутили без цензуры, очевидно, чтобы напугать всех, кто еще желает туда пробраться.

Мне же не пришлось пробираться туда тайком. Всем студентам «Зеленой искры» были выданы однодневные пропуска.

Внутри нас всех нарядили в белые халаты. Свет, стены, полы, форма сотрудников — всё было белым. Глаза быстро заболели от этого яркого белого пространства. Двери и перегородки между зонами были сделаны из стекла, и можно было видеть всё, что происходит в каждом кабинете, даже не заходя внутрь.

Экскурсия проходила лишь по двум первым этажам. На первом проводились испытания новых питательных капсул и настоек, которые одной небольшой дозой восполняли сразу все потребности в суточном питании. Их специально разрабатывали для военных в пустоши. На втором занимались улучшением вакцин-блокаторов и восстанавливающих настоек. Пытались отсрочить привыкание к препаратам.

Испытания проводили на диких чёрных крысах. Они сидели в больших клетках и всё что-то грызли, очень громко. Из-за их чёрной шерсти в белом пространстве они притягивали взгляд. Сами крысы достигали размера человеческого роста. Однако, кроме хруста и шуршания, от них не исходило никаких звуков. Наш учёный-экскурсовод сообщил нам, что в ходе мутации они утратили способность издавать писк.

Все остальные четыре этажа вверх и нулевой этаж внизу были закрыты для обычных студентов. Но даже то, что мы увидели, было невероятно и полностью соответствовало нашим ожиданиям.

У каждого человека с шестнадцати лет имеется чип личности, который спрятан под кожей на правом плече. Он содержит информацию об имени, дате рождения, полную меди-

цинскую карту, социальный статус, сведения о работе и семье и, конечно же, оценку репутации. Внести новые данные можно через наручный коммуникатор, который каждый носит на своем запястье и который работает от энергии искры. Его номер дается один раз, а само устройство можно менять при необходимости. Также оно используется для звонков, оплаты счетов и выхода в общую сеть. Конечно, данные можно изменить или добавить только с подтверждения лица, имеющего на то право. А право имели директора приютов, школ, высших учебных заведений, районная администрация и администрация зон временного содержания.

Проходя мимо очередного автомата с напитками, я вдруг осознала, что во рту у меня пересохло еще после встречи со стариком в переходе. Посмотрев на цены, я настроила свой коммуникатор на оплату маленькой бутылочки питательной жидкости, решив, что неплохо было бы еще и перекусить.

Цены, однако, стали сильно кусаться. Пособия, что мне начисляли как студенту, а также зарплаты, что я получала в больнице Оврага как практикующий врач, уже было недостаточно, чтобы жить хотя бы сносно. А учитывая, что в следующем месяце пособие придет в последний раз, мне как можно скорее нужно было получить работу в ЦБИ. И я даже не рассматривала другие варианты, потому что только она и Сарен могли спасти меня от обязательной военной службы.

С высокой репутацией выше семи для вас с веселым свистом откроется любая дверь. Ваша работа или работа ваших родителей покрывает любые расходы. Но если ваша репутация ниже пяти, то даже комнаты вам бесплатно никто не сдаст. Для таких, а именно большей части населения, предусмотрена заработная плата или, в отдельных случаях, пособия в виде кредитов, сокращенно от «кредит доверия». Любая работа не в структурах Мирного Берега, начиная с самой низкой руководящей должности, является работой с меньшей значимостью и оплачивается кредитами.

Кредиты — это своего рода баллы, которые копятся и снимаются при покупке чего-либо. Конечно, не все сотрудники Мирного Берега одинаково ценятся. Управление начинается с должности Третьего Советника. Вот тогда ты и начинаешь брать от жизни всё. Продуктами и водой снабжают, как и домами, и мебелью. В ресторанах и других развлекательных местах не просят денег и зубы сушат при виде тебя. Не жизнь, а сказка.

Я наконец добралась до моего университета «Зеленая искра», который состоял из двух длинных и двух коротких корпусов по пять этажей, расположенных прямоугольником, в центре которого располагался двор с дорожками для бегунов, полем для спортивных игр и скамейками для отдыхающих.

Тёмно-коричневые стены, на которых были приколочены каменные лица самых выдающихся учеников, окончивших этот университет. Светло-зеленая крыша, что снаружи выглядела совершенно обычно, а внутри была полностью прозрачна. Четыре этажа сверху имели затемненные окна, нижний этаж, без окон, был отведен для практики. Широкие ступени главного входа выводили сразу на второй этаж. Тяжёлые высокие двери закрывались только на ночь. Окружал университет белый барьер, такой же, как вокруг главной больницы. Охрана лишь была чуть проще — только сканирующая арка.

У порога университета собрались все, кого я видела в его стенах 6 долгих лет. Многие из них готовы вырвать мне глаза за то, что я вырвала первый диплом у них из цепких лап. Да, все они старались, кое-кто даже слишком, даря не только подарки, но и свои личные услуги.

«Хорошо, что знания в этих стенах все еще многое решают, и я оказалась лучше, и мне не стыдно. Мне это нужнее, чем им». Мало кто из учащихся в таком заведении может похвастаться справкой о выходе из детдома. А значит, их репутация не пострадает.

В толпе этих неудачников были и симпатичные мне люди. Те, с кем я смогла найти общий язык, несмотря на жёсткую конкуренцию все за тот же первый диплом вуза. А уже из этой небольшой кучки нашлись и парочка таких, с кем мы смогли стать лучшими друзьями.

Вега и Мари — сводные брат и сестра. Оба — плоды искусственного инкубатора, в отличие от меня, удачные. Предельная энергия Веги превышает допустимую в четыре раза. Энергия Мари — почти в три раза.

Сестра Мари — действительно хороший медиум. Нет, она не общается с духами, но способна лечить психологические заболевания. Мысленно, прикладывая зеленую энергию, она проникает в голову человека, ищет причину его недуга, а затем борется с ней, или говорит, как бороться, или стирает воспоминания, которые являются той самой причиной. Тут всё зависит от сложности случая. Общаться мысленно она тоже могла, но редко пользовалась этим даром. Если бы в чужую голову было так просто залезть, то многие проблемы оказались бы небольшой помехой в нашей жизни.

Для подобной процедуры необходимо получить ключ от сознания пациента. А ключ представляет собой энергетический отпечаток, который у каждого человека свой. Когда медиум поглощает его, он открывает сознание этого человека для себя и может изучить его голову вдоль и поперек. Это очень тонкая работа, потому что достаточно одной небольшой оплошности, и человек может остаться дурачком на всю жизнь или неожиданно осознать, что нет ничего лучше, чем резать чужие глотки, к примеру.

Медиумы делятся на несколько типов. Одни лечат психологические заболевания, как это делает Мари. Другие работают с энергией искры других допов. Второй тип специализируется на помощи допам раскрыть свои таланты.

Существуют открытые и скрытые таланты. Открытые — это те, которые доп проявляет в соответствии со своим типом искры. Скрытые — это те, которые могут у нас быть, но мы о них не знаем заранее. Такие как обостренное чутье, считывание чужой ауры, навигационные способности и еще много всего другого.

Медиумы, специализирующиеся на искрах, помогают не только раскрывать способности, но и наиболее эффективно использовать свой запас энергии. Они избавляют организм от закупорки протоков энергии, снимают напряжение и тому подобное.

«Работа медиума, конечно, очень интересна, но, выбрав это направление, я бы сильно ограничила свои познания в хирургии. К сожалению, на всё, что я хотела бы знать, не хватило бы учебных часов. Пришлось пожертвовать не только психологией, но и философией, и боевыми основами Зелёной искры. Всё это было мне не нужно для работы в ЦБИ».

Насколько мне известно, приёмная мать Вега бросила семью, когда сыну было всего три года. Что с ней стало, не знает даже он.

Отец Мари был генералом и участвовал в большом сражении у Лотоса восемь лет назад. (Лотос — военное поселение алоидов у главных врат Мера. Мер — страна алоидов). Там он героически погиб. Эти ужасные события и свели моих лучших друзей вместе.

Насколько мне известно, мама Мари и отец Вега познакомились на работе. Оба являются малыми советниками в общеобразовательной системе.

Я бы хотела, чтобы мы навсегда остались вместе, пока смерть не разлучит нас. Однако у каждого из нас совершенно разные планы на жизнь.

Однако до того момента, как все мы разъедемся по разным сторонам, мы остаёмся лучшими друзьями. Будто «час икс» никогда не наступит.

— Ева! — слегка взвизгнув, крикнула Мари и подбежала ко мне, чтобы обнять.

«Ах да! Меня зовут Ева, мне 25 лет. И этот день должен изменить всю мою жизнь!»

Идет 2160 год.

Глава 2.

БЕНИ, ИДИ В ...

— Мари! — воскликнула я, обнимая подругу в ответ.

Мари была ниже меня на целую голову, отчего мне всегда хотелось потрепать ее волосы, как это делают старшие сестры или братья.

— Блин, подруга, когда ты научишься подбирать себе шмотки! — в шутовском возмущении она хлопнула меня по рукаву сиреневого пиджака.

— Да, че не так? — нахмурилась я. Мари умела задеть прямо с ходу.

— Сиреневый? Серьезно? Я думала, у тебя сегодня знаменательное событие вечером.

— Напомни-ка, почему я с тобой дружу? — скривив губы, спросила я.

— Потому что у тебя нет выбора. Все остальные считают, что ты заучка и чокнутая, и выглядишь как чучело, — ранила она меня в самое сердце.

— И в чем между вами разница?

— Я тебя люблю, а они нет, понятно? Мы две половинки одной задницы. Забыла? — Ее искренность всегда подкупала меня.

Я не могла злиться на Мари долго. Рядом с ней я менялась. Она всегда была ведущей в нашей небольшой компашке. Если в своей группе я могла дать отпор любому задире, то в нашей компании я всегда отдавала эту честь подруге.

Мари.

Мари совсем не похожа на своего брата ни внешне, ни по характеру. Что неудивительно, потому что фактически они не кровная родня. На самом деле таких допов, как Мари, мне встречать не приходилось: миниатюрная, худенькая, с длинными русыми волосами. Ее кожа такая тонкая, что видно почти каждую венку. Синие глазки светятся добром и сочувствием ко всем. Стоит добавить, что так лишь кажется, пока не узнаешь ее.

Мари никогда не была тихой или замкнутой. Она всегда налетала, как ураган, сметая любые преграды на пути к своей цели. Ленивый Вега всегда был душой компании. Мари же была той, о которой говорили: «Только не бери с собой эту двинутую». Мы с ней неплохо отрывались на тайных сборах факультетов.

Эта девушка всегда излучала энергию. Рядом с Мари все беды и заботы казались мне несущественными. И когда у меня не оставалось сил или надежды, только она могла зарядить энергией так, что жизнь загоралась новыми красками.

Мечтой Мари была работа на севере страны. Она давно решила стать волонтером в местной клинике у северного народа, который держится в стороне от войн и натиска Совета. Его население составляет около пятидесяти тысяч человек. У них действительно плохо обстоят дела с медициной и многим другим. Стать частью этого небольшого поселения значит полностью изолировать себя от благ крупных городов. Совет не отвечает за их благополучие, и им приходится выживать в нечеловеческих условиях. И, наверное, только Мари могла решиться на такое.

— Ладно, – растаяла я и расплылась в улыбке.

— А твой брат?

— Он со своими, никак не нацелуются.

— Подружки? – усмехнулась я.

— Нет, друзья-товарищи. Со своими подружками он уже вчера распрощался.

— Уже? – удивилась я. - Он что, уже и вещи собрал?

— Его вещички с осени собраны. Готов хоть сейчас отправляться, - раздражённо, пнув мелкий камушек, ответила Мари.

— А что родители? Неужели не против? – не верила я.

— Говоришь так, будто не знаешь Вега. Думаешь, нашим родителям сладить с ним? – усмехнулась подруга, разглядывая свои туфли.

— А что ты? Собираешь вещи? – с надеждой на отрицательный ответ, спросила я.

— Ещё нет, но уже отправила заявку на выезд из страны. Должны ответить в течении недели, – ее голос прозвучал бодрее.

— Я, конечно, не могу знать наверняка, но, думаю, ваши родители не сильно рады вашим решениям. Имея такие связи, как у них, я бы вам помешала на их месте.

Родители этих двоих работали в Совете по высшему образованию. Они занимались вопросами улучшения образовательной системы в университетах по всей стране. Оценка их репутации — 8,2.

— Они не такие. Слишком боятся нагнать тень на своё имя. Мы не хотим быть как они. Всю жизнь бояться и ничего не решать.

Мари подняла голову к небу. А я смотрела на ее глаза, которые сияли ярче искусственного солнца.

— К тому же, ты же знаешь, что мы пробирочные - лишь временное, выгодное вложение для богатых семей. Выросли и можем идти на хер.

— Пожалуй, мы это обсудим, когда будем одни, где-нибудь в тихом месте, - решив пока больше не донимать подругу, сказала я.

— И не только это, - многозначительно посмотрев на меня, сказала Мари. - Кто-то сегодня готовится изменить свой статус... – даже пропела она.

— И это мы обсудим, - оборвала я подругу, заметив в толпе Вега.

— Постой! – крикнула она мне в след, когда я уже мчалась дать нагоняй другу. – Я хотела еще курнуть, что б со скуки не сдохнуть.

— Потом, – отмахнулась я.

Вега заметил наше приближение и расплылся в улыбке. Как и его сестра, он любил обниматься вместо простого «привет». И тут я снова почувствовала себя младшей сестрой. Вега был выше меня на полторы головы и в целом крупнее. А ещё он был сильным и всегда тёплым. С ним любая девушка чувствовала бы себя под защитой. Но он выбрал поле боя, и от этого становилось только грустно.

— Смотрите кто притащил сюда свой пушистый зад! И почти вовремя! – в своем стиле подшучивал он, крепко стискивая меня в объятьях.

— Ты такой глупый! - крикнула я, в сердцах ударив его по груди кулаком.

— За что? – проныл Вега.

— Сам знаешь. Вещички собрал уже? – насупилась я.

— Только не начинай, ну. - Он закатил глаза, отшатнувшись от меня. – Мари все мозги уже съела. Лучшее время ждёт меня! – выкрикнул он, поднимая руки в радостном порыве. И толпа его друзей завывала в ответ.

— Твое лучшее время сейчас, братишь, - недовольно ответила ему Мари своей привычной фразой.

— Поговорим еще, но не здесь, – заговорил он тише, наклонившись к нам. – Я забронировал для нас троих место в «Игровой зоне».

«Игровая зона» — так называется кафе, где можно выпить тонизирующие напитки и поиграть в настольные и даже подвижные игры. Мы проводили там очень много времени раньше, на первых курсах. Затем словно переросли это и стали просто собираться друг у друга, выпивать самодельное вино, которое делал один друг Вега из фруктовых капсул и медицинского спирта.

Сам алкоголь запрещен на территории нашей страны, но никто строго не отслеживает таких деятелей. Главное — в продажу не выпускать.

Вега.

Вега был старше Мари на два года, а меня — на год. С детства он горел одной мечтой: отправиться в самый эпицентр сражений и помогать лучшим врачам полевого госпиталя. Он считал, что только так будет чувствовать, что живёт не зря.

Что интересно, Вега так хотел поступить в университет собственными силами, без участия родительских связей, что чуть было не пролетел со второй попытки. К счастью, его спортивные достижения заинтересовали декана. Правда, ему пришлось ещё целых два года выступать на чемпионатах по боевой подготовке среди студентов университетов страны. Удивительно, но ума ему на самом деле не занимать, как и нежелания учить теорию. Вега сам по себе достаточно крупного телосложения, и, мне кажется, из него и солдат получился бы неплохой. Да и вниманием со стороны девушек он никогда не был обделён. Кареглазый шатен, высокий, мускулистый, с коронной улыбкой во все 32 белоснежных зуба. Стоило ему только подмигнуть любой девушке, как та сразу таяла и сама звала его на свидание. Да что студентки — даже преподавательницы не могли устоять перед его смазливим личиком.

Нас наконец впустили в университет. Прощание с преподавателями и деканами только утомило всех. Церемония прошла прямо на улице, во внутреннем дворе. Дипломы вручали довольно быстро. Я старалась особо не вслушиваться в чужие разговоры, но рядом стояла тройка девушек, достаточно громко обсуждавших каждого, кто выходил за своим дипломом.

Конечно, я знала их. Эти девушки были элитой из элит. Они сами поставили себя так еще на первом году обучения и, по иронии судьбы, оказались именно в моей группе. Главной в этой шипящей компании была Бенарин или, как все ее называли за спиной, просто Бени. С пустой головой она выезжала лишь благодаря репутации своих родителей. Они, кстати, были ей не приемными, а родными, что давало ей много привилегий.

Природа не обделила Бени и внешностью. Кудрявая блондинка с фигурой модели. С такими формами, как у нее, мозги и правда были лишним атрибутом.

— Марк из семьи Лойд! – нараспев сказала Декан Яна.

Имя семьи всегда принадлежало имени отца семейства, за редким исключением, когда отца в семье не было.

— Ты посмотри на этого придурка, – посмеялась Бенарин. – Слышали? Родители отправляют его работать в центр временного содержания.

Все три рассмеялись, не стесняясь косых взглядов выпускников, что их окружали.

— Ольга из семьи Виктора, – декан объявила следующего выпускника.

— А эта подала заявку в больницу пригорода, прикиньте! Ее семья даже не смогла ей выбить место в городе! – Снова бесящий смех.

— Прикиньте..., – передразнила я Бени самым противным голосом, на который была способна.

— Эй, чучело, – а вот это уже прозвучало в мой адрес. – Ты напоследок отхватить захотела?

— Ты и так, вдоволь, меня насмешила, Бени, – слегка повернув голову в ее сторону, выдала я.

Дерзить Бенарин было даже забавно. Она так бесилась, когда слышала сокращение от своего имени. А вот меня задеть было сложно. За столько лет колких замечаний и разнообразных издевательств я привыкла реагировать соответственно на таких, как эта блондинка.

— Посмотрим, кто очень скоро посмеется, – неожиданно ответила она, лишь с тенью злорадной ухмылки.

— А давай мы лучше вспомним, кто на той неделе свою морду от крови в толчке отмывал? – вставила моя подруга, высунув голову из-за моего плеча.

— Вам двоим повезло, что вы закончили эту шарагу, – с презрением ответила Бени. – Если бы я настояла, отец бы давно вас вышиб отсюда!

— А если я напрягусь, то в следующий раз, может, вышибу тебе зуб, – ответ Мари не затянула.

— Ева Лучик! – объявила декан.

На вручении своего первого диплома я, как и ожидалось, услышала гул возмущения от своих «любимых» однокурсников. В ответ я только присела в реверансе, слегка склонив голову. Жалела только о том, что мне не дали микрофон, чтобы я могла еще и устно их «поблагодарить».

Церемония была окончена, и мне оставалось только одно — найти Алоция.

Алоций был моим преподавателем по теории медицины и практическим занятиям по оказанию первой помощи. Также он был алоидом, единственным иноземцем в этом университете. Он, пожалуй, единственный учитель, который помогал мне, несмотря на мой низкий статус.

В отличие от людей, алоидам все равно, какого мы происхождения. Остальным преподавателям было достаточно увидеть мое имя.

Ева Лучик – мое полное имя. Все выходцы из детских домов имеют приписку к имени вместо фамилии – название самого приюта.

Люди отказались от фамилий и отчеств около 30 лет назад, позаимствовав эту систему у алоидов. Имея чип под кожей, подтвердить свою личность несложно.

Куда бы ты ни пошел в Верхнем городе – в магазин или ресторан – будь готов предоставить плечо для сканирования твоей личности и уровня репутации.

Репутация в нашем мире зарабатывается сначала учебой, потом работой, далее выбором второй половины и достижениями детей. Военные получают самую высокую репутацию автоматически, если они были записаны добровольцами и подписали контракт минимум на десять лет. Но если они даже и возвращаются с войны, то обычно сходят с ума или навсегда остаются инвалидами, чья жизнь зависит от специальных препаратов. Но и та длится недолго.

Армия наша мала и недостаточно сильна, чтобы оказать существенную поддержку алоидам. Однако один доп с Зеленой Искрой, даже среднего уровня, лучше любого тартианского врача.

Да, они создали вакцины и блокаторы, но мы их усовершенствовали и продолжаем совершенствовать. Наши медики лечат не только нашу армию, но и армию алоидов. Зеленая Искра даже стала предметом торговли. Алоиды покупают еще не рожденных допов, которых штампуют инкубаторы, за оружие и военный транспорт.

Как обладателю Зеленой искры, у меня была только одна дорога – в медицинский. Тогда я решила, что должна поступить в лучший университет в стране и лучше всех его окончить,

а потом изо всех сил постараться и устроиться в самое лучшее место – в ЦБИ. Пока у меня все шло по плану.

Алоций.

Алоций отличался от других преподавателей, и не только внешне. Алоид никогда не судил своих учеников ни за что, кроме знаний и стремления учиться. За это я ему бесконечно благодарна.

Его рост достигал всего полтора метра. Раса алоидов сама по себе не очень высокого роста, но это никак не мешает им на полях сражений. Их зелёная чешуя очень твердая: практически непробиваемая.

У Алоция были длинные руки с тонкими длинными пальцами и острыми когтями, вытянутая вперёд змеиная голова без ушей и шеи, которая перетекала в тело без плеч. Руки его росли чуть ниже, чем у человека, а ноги — колесом, по бокам от таза. Задняя часть вытягивалась в толстый длинный хвост, что тащился по полу мёртвым грузом. У Алоция были большие жёлтые глаза и длинный, подвижный чёрный язык, который периодически резко выкатывался из пасти и быстро закатывался обратно. Он не носил обувь — мешали когти, и штанов не носил — мешал хвост. Но всегда приходил на работу в белой рубашке. Их точно шили ему на заказ, по понятным причинам.

Речь алоида была нечёткой и шипящей. Человеческий язык давался ему с трудом. Друг с другом его раса общалась ментально, а с помощью звуков, даже шипения, передавала эмоции. Слышала, что в Мере многие из них до сих пор не могут говорить. Не все готовы меняться ради чужого удобства и вставлять в себя различные модуляторы голоса.

Алоций всегда был добр ко мне: направлял, как настоящий наставник. Именно он дал мне тот первый толчок, который заставил меня полюбить своё предназначение. Сила, что обрекала меня на короткое существование, вдруг стала особенностью, открывающей самые интересные тайны нашего мира.

Пустая аудитория. Длинные бежевые столы с лавками образовывали полукруг, уходя все выше по ступеням. Внизу стоял большой черный стол, оснащенный системой управления проекцией, которую использовали в нашем университете в любой аудитории. Она гораздо нагляднее преподносила материал, нежели огромные мониторы во всю стену.

Поднявшись по ступеням, я заняла свое старое место на самом верху в центре, справа от лестницы. Отсюда стол учителя был точно по центру. Я положила голову на парту и закрыла глаза, вспоминая уроки Алоция. Пожалуй, первый урок был самым ярким.

Первый день в качестве студентов посетила вся группа. В аудитории Алоция некоторым пришлось даже стоять, однако внимание к предмету было минимальным. По большей части студенты пришли посмотреть на алоида. Весь зал так громко перешептывался, что учителя слышно не было. Когда он понял, что заинтересовать нас теорией вряд ли получится, Алоций оглядел зал, а потом, громко растягивая слова, спросил:

— Как вы считаете, возможно ли воскресить мертвого?!

Тут же стихли все голоса, а через секунду кто-то выкрикнул:

— Это не возможно! Все знают, что зелёная искра способна поддерживать жизнь, залечить ранения, может даже отрастить конечность при наличии специальных препаратов, но не способна оживить мертвое существо.

— И что, все согласны с этим выводом?

К дискуссии подключились и другие студенты. Все они подтверждали слова первого. А во мне сыграло желание выделиться и показать себя. Я всё же должна была стать лучшей на своем потоке, поэтому, спокойная снаружи, но сильно волнующаяся внутри, я подняла руку.

— Да, человек с задней парты? – обратился ко мне Алоций.

Я, опустив руку и с абсолютной уверенностью в голосе, ответила:

— На самом деле возможно воскресить мертвого с помощью Зелёной искры.

На меня посыпались возмущенные выкрики и глупые смешки.

— Прошу, поясните! – не обращая внимания на волнение публики, потребовал учитель.

— В истории нового мира описывается множество подобных случаев, когда допврач вдыхал энергию в покойника. Все они происходили в начале Второй Межрасовой войны.

— «О, да! Наконец мои навыки прочтения старого языка пригодились!» - порадовалась я про себя.

— Согласно медицинским заметкам Александра Шаркова, первое поколение допврачей воскрешало умерших на поле боя солдат, если с момента смерти не проходило более часа. Сам метод требовал много энергии, и это нередко убивало того, кто её использовал. Первый удачно проведенный эксперимент принадлежал Алексею Шаркову — сыну выдающегося генетика Александра Шаркова. Однако сейчас эта техника является запретной, а вся информация о самом методе воскрешения убрана из общего доступа. — Я сама удивлялась тому, какая я зубрилка. Весь текст из медицинских заметок я повторила слово в слово. В зале повисла тишина, которую учитель нарушил лишь через пару секунд.

— Возможно, вы сможете пояснить, почему сейчас эта техника неактуальна? — увлеченно спросил Алоид.

— Никто из ныне живущих допов не обладает таким большим запасом искры, как первое поколение. С каждым новым поколением энергожелезо вырабатывает все меньше энергии. Многие техники, что применялись сто лет назад, использовать сейчас равносильно самоубийству. Это касается не только Зеленых допов, но и всех остальных обладателей дополнительного органа.

— Потому что недостаток энергии искры в организме допа вызывает истощение, а отсутствие — смерть, — закончил за меня учитель. — Потому главное правило в нашем университете — знать свой предел и следить за тем, чтобы никогда не достичь его! — Алоций хлопнул тяжелым хвостом по полу, чтобы утихомирить возмущенную публику, и снова спросил меня: — Но, чисто теоретически, это все еще возможно?

— Если верить исследователям данного вопроса — таким как Марк Баре или Поиль Магнус, — в теории это остается возможным благодаря определенным активаторам.

— Но неужели кто-то действительно пришел сюда учиться медицине! Очень хорошо..., - он помедлил, жестом своей длинной руки, прося моей помощи.

— Ева Лучик, - сообразила я, чего он ждал.

— Эва, — протянул Алоций. — С сегодняшнего дня все вы начинаете нелёгкий путь. Если вы хотите стать врачами и приносить пользу в больницах страны, я уверен, у вас всё получится. Но если среди вас найдутся такие, кто желает научиться самым невероятным техникам лечения и, возможно, попасть в историю, — он посмотрел прямо на меня своими огромными желтыми глазами, — они смогут найти здесь все ресурсы для этого.

После этой выходки моя группа объявила мне войну. Вплоть до последнего учебного дня меня всячески пытались задеть или подставить. Но я каждый раз обходила их на экзаменах и продолжала умничать уже просто назло.

— Пришли за последними наставлениями, Эва. - Я подняла голову, улыбка сама растянулась на моем лице.

— Учитель! – воскликнула я. - Вас не было на церемонии.

— Да. Сегодня так же проходили сборы медицинской помощи. Пришлось разбирать медикаменты. На церемонию уже не успел. Но я рад, что ты зашла поговорить.

— Я не могла иначе. - Мне стало не много грустно от мысли, что я возможно больше не увижу Алоция.

— А так же, - важно и громко начал он, - за своим рекомендательным письмом! – Из большого кармана своей рубашки, он вынул конверт.

— Вы не шутите?! – обрадовалась я.

— Я, конечно, не самая важная персона в городе, но все же...

— Ваше письмо определенно станет лучшим аргументом для комиссии исследовательского центра!

Я сбежала вниз по ступеням, чтобы обнять огромного холодного Алоида. Но тот ловко увернулся, выставив перед моим лицом конверт — определенно с моим рекомендательным письмом или, скорее, билетом в мою новую жизнь. Я успела затормозить прямо перед ним.

— Спасибо, спасибо, спасибо! – почти визжала я от радости. Схватив письмо, я поцеловала конверт.

— Я рассчитываю, в следующий раз, встретить тебя уже на своем месте. Договорились? – Его глаза по-доброму сощурились. - Жаль, что я не могу сделать больше. Но я уверен, что комиссия оценит твой ум и твои навыки.

Не меньше часа мы с Алоцием говорили обо всем, вспоминали прошедшие годы в стенах университета. Он был рад узнать о скорых переменах в моей жизни. Но его зрачки настороженно сузились, когда я заговорила о Сарене. Однако он лишь сдержанно переплел свои длинные пальцы у выступающей челюсти, поставив локти на стол. Я за столько времени успела разобраться в жестах учителя и знала, что подобное действие у него служит заменой снисходительной улыбки.

Перед самым моим уходом, когда я стояла уже у двери, он вдруг сказал:

— Не забудь воспользоваться моим письмом, и пусть ничто не встанет на пути к твоей цели. Мне послышалось предостережение в его голосе, но особого значения я придавать этому не стала. Попрошавшись с учителем, я покинула аудиторию с лёгким сердцем.

Перед тем как направиться в «Игровую зону», мне нужно было зайти домой и переодеться.

«И о чем я только думала, когда наряжалась в этот дурацкий фиолетовый костюм?» — ругала я саму себя. Конечно, в таком виде к Сарену идти было нельзя. Я выбрала зеленое платье в обтяжку чуть выше колена и зеленые туфли на высоком каблук. Ему нравилось, когда я надевала высокий каблук. Платье было на бретельках и открывало часть спины. Я намеренно не стала накидывать на плечи платок, зная, что и это ему понравится, даже если смутит народ.

По пути к «Игровой зоне» я мечтала уже хоть чем-то наполнить свой желудок. Он свернулся в трубочку ещё во время церемонии: дешёвой настойки хватило ненадолго. Также я очень хотела поговорить со своими друзьями. Возможно, этот разговор станет для нас троих последним, и это единственное, что отзывалось грустью во мне в этот день. Но я настраивала себя не лить слёз, а повеселиться, как в последний раз. А ещё мне до жути хотелось снять эти проклятые туфли!

Я давно не была в «Игровой зоне», но кафе всё ещё стояло на своём месте — небольшое здание в форме куба цвета ярко-зелёного неба.

«Люди, которые никогда не были за пределами страны, не видели настоящее небо и звёзды. Купол имеет нежно-зелёный оттенок, из-за чего всё кажется слегка зелёным днём. А ночью светят искусственные луна и звёзды — точная имитация настоящих.

В старых книгах я находила описание неба, даже видела картины. Знаю, что оно голубое, может быть покрыто белыми облаками и чёрными тучами. А звёзды — это далёкие планеты, свет которых доходит до нас миллионы лет.

Настоящий дождь не падал на нашу землю. Температурой и погодой управляли Грозовые в центре управления куполом. У нас всегда одна и та же комфортная температура, одно и то же зеленое чистое небо над головой».

Зайдя в кафе, я словно попала в прошлое, когда мы сидели с Вега и Мари за излюбленным столиком и обсуждали всех учителей нашего университета, жаловались на их несправедливые замечания и оценки. Мы смеялись над глупостью других учеников и над собственными ошибками. Не хотели расходиться до самого вечера и мечтали о том, как закончим универ и всё равно будем общаться и собираться в этом самом кафе за настольной игрой.

Как же всё изменилось...

«Мари считала, что поездка на Дальний Север — это её предназначение. А Вега рассказывал о том, как с его помощью наши отвоюют свои земли у пришельцев. Мы все знали, чего мы хотим, но также мы знали, где мы нужнее всего. Будущее казалось таким далёким, что мечты о том, как мы встречаемся каждую неделю в Игровой зоне, казались вполне возможными и вовсе не глупыми. Но главное — они поднимали нам настроение».

Мари и Вега сидели за нашим столиком у окна. Больше никаких посетителей не было. Широкая улыбка Веги, весёлое «Привет, подруга!» от Мари — и на моей душе снова стало немного спокойнее.

Первым делом мы взяли по паре фруктовых кубиков и по одному освежающему коктейлю. Между делом мы обсуждали совершенно неважные вещи. Вроде того, какой важный вид сделал преподаватель истории медицины на церемонии, хотя на парах был почти всегда в доску пьян. Никто не решался перейти к главной причине нашей встречи, к самому важному разговору за все годы дружбы. Я поняла, что эти двое вовсе не хотят его начинать, и тогда сама сделала первый шаг.

— Вега, как скоро ты уедешь? – Слова дались мне нелегко и я быстро запила их коктейлем, что бы не подавиться.

— В ближайшие дни жду разрешение о возможности покинуть страну, - сказал он слегка потерянно.

— Думаешь, тебе позволят? Ведь потомство ты не оставил, кажется. – Говорила я с обидой, зная, что несправедливо давлу на друга, но сдерживаться было сложно.

— Для добровольцев есть варианты, да.

Щеки друга покраснели, он явно смутился и занервничал. А когда он нервничал, то добавлял лишние слова или звуки в конце фразы.

— Можно заморозить... - Вега не много замялся и тихо добавил, - семя, ну.

Говорить о семени друга мне не очень хотелось. И я посмотрела на подругу, которая намеренно отводила глаза.

— А что ты?

— А что я? – с вызовом спросила она. – Ты знаешь о моих планах.

— Знаю, но все еще не понимаю. Что ты там хочешь делать? То есть, – я запнулась, в попытке сформулировать фразу. – Ты же медиум. Ты не хирург. Чем ты хочешь помочь народу Севера, у которого, явно, самая большая проблема не с психикой?

— Ну, вообще-то, подруга, я проходила хирургические курсы.

Я фыркнула на ее заявление. Но Мари не обратила на это внимание. Продолжила:

— Пусть не такие уж подробные, как ты, но лицензию на латание ран я получила. К тому же, у меня есть целая программа идей по улучшению условий их проживания. Однажды вы оба услышите о Севере, как о лучшем месте для жизни человеческой расы. И вот тогда посмотрим...

— Ой, все..., – скучно протянул Вега.

— Есть более приятная тема для обсуждения, – быстро переключилась Мари. – Твоя свадьба! – радостно добавила она.

— На которой ни одного из вас не будет. – Я безжалостно укусила фруктовый кубик. – К тому же, ещё ничего не случилось. На самом деле, я лишь предполагаю.

— Но предложение сегодня? – не сдавалась Мари.

— Будущая Ева Сарен! – воскликнул Вега.

— Это ещё не правда! – возразила я. – Сегодня, но этого ещё не случилось. Я волнуюсь и боюсь. Боюсь, что лишь сама себе надумала все.

— Нечего волноваться! Нужно лишь вовремя сказать «да» – посмеялась Мари. – Сарен, конечно, конченный мудака. Но все они такие!

Вега посмотрел на сестру с легкой обидой, но без удивления.

— Что? – с упреком спросила она брата. – Ты тоже мудака. Вон, сколько девушек прокатил.

На этот жесткий, но справедливый ответ, Вега только устало вздохнул.

— Ну, и когда? – Голос мой слегка сорвался. – Ты когда собираешься меня оставить?

— Говоришь так, будто я помирать собралась, – рассмеялась Мари. – Я отправила запрос на север на прошлой неделе. Не знаю. Как получу ответ, – она пожала плечами. – Сама то, когда подашь заявление в исследовательский центр?

— Сейчас это было бы опрометчиво. Я все ещё не имею главного козыря на руках. Моя судьба в руках Сарена. Это и пугает.

— Но ты сделала все, что могла, Ева, – поддержала меня Мари. – Уверена, он не подведёт.

— Иначе я ему морду начищу, – медленно и пугающе проговорил Вега, потом также медленно и звучно потянул коктейль из трубочки.

Порой Вега пугал меня своим грозным видом и устрашающим, серьезным голосом. Это совсем не шло ему, учитывая, каким на самом деле милым и веселым он был большую часть времени. Я даже не помню, чтобы ему когда-нибудь было грустно.

— Он знает, что это важно для меня. Он хороший, – как обычно, я бросилась на защиту своего любимого.

Я знала, что отношения между Вега и Сареном весьма натянутые. Эти двое хорошо ладили месяцев шесть, с начала поступления Вега в институт. Но затем, по непонятным причинам, их дружба сошла на нет. Никто из них не хотел говорить, почему это случилось, и мы с Мари решили их не пытаться.

— Значит, все будет хорошо, – улыбнулась Мари.

Я не решилась продолжить, столь пугающий меня разговор и позволила друзьям увлечь себя в их беззаботные рассуждения.

— Заметили какой расстроенной сегодня была Бени? – злорадно хихикнув, спросила Мари.

Та самая Бенарин, мимо которой не проходило ни одно событие внутри университета. Активистка всегда смотрела на нас с Мари свысока. Ведь её будущее уже с рождения сложилось лучше некуда. Отец — член военного совета, а мать — главный врач в больнице имени Шаркова. А я всего лишь безродная детдомовская девчонка, с которой «не повезло» подружиться Мари. В общем, от неё нам доставались только тычки и насмешки. В отместку мы с Мари распускали о ней всякие слухи, а иногда таскали за её кудрявые волосы и втихую смеялись над её манерностью, а в лицо называли её Бени или «Бени, иди в...».

— Я не заметила, – вспоминая ее, раздражающий, смех на церемонии, ответила я.

— Зато я видела, – усмехнулась Мари. – И слышала, как она говорила своей подруге, что ее не приняли в совет. Поверить не могу, что она так высоко замахнулась.

— Что, даже, отцовские связи не помогли?

— Свежие сплетни! Я уж боялся без них обойдёмся, – язвительно добавил Вега. — Ещё чего! – засмеялась я.

Остаток дня пролетел в непринуждённой беседе. В игры играть не хотелось. Сегодня они казались бессмысленной тратой времени. Мы договорились встретиться ближе к комендантскому часу и заночевать у меня дома. Как полагается, с вином, отметить мою помолвку. Конечно, заранее говорить об этом было неправильно, но разве кто-то из нас мог оставить это на потом?

Ребята ушли. Мне оставалось сделать самое важное — встретиться с Сареном у зелёного парка, а затем сказать «Да!» или, может, «Конечно, да!».

Сарен.

С Сареном мы были знакомы уже шесть лет. Когда я поступила в университет, мне было крайне тяжело без друзей и знакомых. Мари поначалу даже не смотрела в мою сторону. Считала меня выскочкой, как и все. Сдружились мы гораздо позже, благодаря ее брату, который с первого дня то и дело терся возле меня, как терся возле любой другой мало-мальски симпатичной девушки. А вот Сарен подошел ко мне спустя месяц после моего поступления, за обедом. Правда, с корыстным умыслом: он попросил помочь с проектной работой для своего диплома.

Я не верила своим ушам и глазам. Парень, на которого смотрели и облизывались все девушки универа, мечтая о его внимании, попросил меня о помощи. Отказать я бы не смогла. Как потом, через пару лет, признался мне Сарен, он искал предлог целую неделю, чтобы заговорить со мной.

Казалось бы, чем я, первокурсница, могла помочь выпускнику? Однако он знал, что Алций взял меня в лаборантки, чего ранее никому не предлагали другие профессора. А это кое-что значило в нашем университете.

Этой дипломной работой мы с Сареном занимались весь год и хорошо сблизились. Стать его девушкой он предложил мне на своем выпускном. И ответ был положительный.

Мы встречались почти каждый день, вместе делали мои задания и проекты, вместе составляли его заявление на работу в исследовательский центр. Конечно, его отец и без того многое устроил для сына, но кое-что Сарен должен был сделать сам: связи важны для такой работы, но не решают всего. Я была рада помочь ему, зная, что он в долгу не останется.

Когда Сарен приступил к новой работе, встречаться мы стали реже. Хорошо, когда удавалось хоть раз в неделю увидеться. Однако звонил он регулярно. Бывало, мы болтали всю ночь, невзирая на то, что утром у обоих куча дел.

Прошел еще год, и общения стало немного меньше. Но он старался брать меня с собой почти в каждую свою командировку, в которые его отправляли как представителя Первого Советника по СХК. Ему приходилось успевать с проектами в ЦБИ и еще разъезжать по поручениям отца, чтобы заработать собственную репутацию для повышения.

К концу моего обучения и ближе к диплому наши встречи с Сареном могли составлять промежутки в целый месяц, что не устраивало нас обоих. И желание наконец съехаться достигло своего пика.

Ровно год назад Сарен пообещал, что мы свяжем свои жизни, как только я закончу университет. И снова его родители были в шоке. Как и Бенарин, он был тем самым редким исключением, рожденным естественным путем. «И как же их единственный сын, наследник, мог принять в их невероятно успешную семью такую, как я — оборванку без минимальной репутации?» Но ему было все равно, откуда я. Он смотрел на меня, а не на мое положение в обществе.

Вагоны трамвая битком заполнили выпускники, которые торопились обмывать свои дипломы. Всего семь остановок в душной давке — и я была на месте.

Подходя к воротам парка, я увидела его. Сарен стоял ко мне спиной, но я сразу отметила, как он прекрасен в новом костюме.

На нем были белый пиджак и белые брюки. Под пиджаком виднелся ворот черной рубашки.

Я пригладила свое платье, которое сдавило мне все тело так, что и вздохнуть было сложно. Потом взглянула на свои пятки, которые почти уже кровоточили, вздохнула, насколько это было возможно, и уверенным шагом направилась к нему.

Он обернулся, словно почувствовал мое приближение. Высокий блондин с голубыми глазами и невероятной улыбкой. Как и шесть лет назад, он заставлял мои колени слабеть и подгибаться.

Сарен не из тех мужчин, которых можно назвать теплыми и родными. Он всегда старался держать дистанцию, даже со мной. Почему-то это привлекало меня еще сильнее. Но главное — я была уверена, что нужна ему не меньше, чем он мне.

Глава 3

ДВА ПУТИ

— Здравствуй, - нежно сказал он, обнимая мои плечи одной рукой. - Ты прекрасна.

— Привет, – прижимаясь к нему, ответила я. - Ты лучше. Он нежно поцеловал меня в макушку. Сарен делал так каждый раз при встрече и прощании. Однажды он сказал, что поцелуй в губы — это слишком пошло для его чувств ко мне. Однако сейчас я впервые почувствовала неуверенность в его действиях. Правда, сразу отогнала дурные мысли и не стала спрашивать. Мне не хотелось портить такой вечер.

Сарен предоставил свое плечо для сканирования охраннику, который подтвердил нашу бронь и пригласил войти в парк.

Стоило пройти за ворота, как в нос бросился яркий запах зелени и аромат цветов. Многие пары сидели у озера в ожидании вечера, когда голубая водная гладь засияет в лунном свете. Мы же с Сареном решили прогуляться по тропе среди зелёных кустов и деревьев. Моё внимание занимали дивные розы: белые, красные, жёлтые и даже голубые.

Мой спутник казался мне задумчивым и, возможно, слегка растерянным. Видно, нервничал перед предстоящим событием. У меня же внутри всё бурлило от волнения.

— Меня взяли в совет, – не громко произнес он.

Сначала я опешила, не ожидая услышать такую новость, но быстро спохватилась:

— Поздравляю! – воскликнула я. - Ты так долго шел к этому!

— Мы вместе, - настойчиво поправил он меня. - Третий Советник в ЦБИ. Надеюсь стать первым до старости, - усмехнулся он.

— И ты им станешь! Я верю в тебя!

Я остановилась, чтобы обнять его, но вышло слегка неловко, он не сразу понял моих намерений. Спустя 6 лет ему все еще было некомфортно проявлять близость. Он привык быть всегда собранным и, к сожалению, слегка чётрстым.

— Маме пришлось поступиться своими амбициями, ради того, что бы я занял этот пост. Никто еще не становился советником, будучи простым помощником. Но я заработал хорошую репутацию, не без твоей помощи, конечно. Мы много путешествовали с тобой по значным местечкам, работая над ней.

Я помнила каждое наше путешествие, но, пожалуй, самое запоминающееся, или, скорее, пугающее, стало путешествие в Зону № 15.

Зоной № 15 называлось одно из изолированных мест временного содержания преступников перед отправкой в военные лагеря в пустоши.

Сарен, тогда еще как представитель первого советника по сельскохозяйственным культурам, должен был посетить Зону для ежегодной проверки питания осужденных, а также провести небольшие переговоры о поставках.

Он старался всегда брать меня с собой, чтобы таким образом заявить народу и своей семье о своих серьезных намерениях по отношению ко мне. И в этот раз счел это разумным.

— Опаздываем, – сообщил мне Сарен, выпучив глаза и разведя руками. – Зверье, почему-то, не желает нас ждать.

Райнер часто допускал такие словечки в адрес недостойных, по его мнению, людей. А Сарен, как сын своего отца, часто их заимствовал. Это мне, конечно, не нравилось, но я старалась ни в чем не перечить своему парню. Мне всегда хотелось быть на его стороне, что бы он ни сделал или ни сказал.

Охрана зоны встретила нас холодно, впустила в здание нехотя, а отходя от постовых, я услышала, как один из них сказал: «Че притащился этот позер мелкий? Лучше б под юбкой отца дальше прятался».

Сарен сразу изменился в лице: охладел, медленно задвигал челюстью, словно пережевывая только что услышанное.

Худощавый лысый мужчина лет сорока сидел в кресле за большим столом и смотрел на нас, а точнее — посматривал, иногда отрывая взгляд от компьютерного монитора, с неким раздражением. Однако говорить все же старался вежливо.

— Как поживает ваш отец, господин Сарен?

— Не плохо, – скорее отмахнулся, чем ответил блондин. – Смотритель Виктор, вы не могли бы передать мне все отчеты, касательные заявок и потребления нашей продукции.

— Разумеется, помощник первого советника по сельскохозяйственным культурам.

Было ясно, что таким обращением смотритель просто издевался над Сареном и наслаждался этим. Кажется, он не собирался принимать всерьез столь молодого парня. Видно, это было ниже достоинства Виктора.

— Сброшу вам на почту, — добавил он.

— Так же, я хотел бы обговорить перезаклучение нашего договора о поставках, – несколько не смутившись, продолжил Сарен. – Речь пойдет не о поднятии цен, заверяю вас, лишь о количестве закупа.

— Прошу прощения, господин Сарен, но мы не намеренны увеличивать пайки, потому больше закупать не планируем.

— Тогда мы в затруднительном положении, директор, – с легкой улыбкой сказал Сарен, открывая документ, который Виктор уже отправил на его коммуникатор. – Совету уже известно о том, что новое поступление осужденных превышает поступление прошлого года. Соответственно, расход потребления продуктов, также, должен быть увеличен на этот год.

— А Совету известно, что осужденные отправляются в пустошь так же быстро, как и прибывают.

— Вы хотите выставить Совет дураками, директор? Или, возможно, меня?

Я поежилась, понимая, что вежливость обоих почти иссякла и разговор начинает накалять воздух в комнате.

— Ни в коем случае! – вскинул руками Виктор. – Я лишь о фактах говорю.

— А факты таковы: следующая отправка осужденных в Пустошь состоится только через три месяца. До того момента число их в Зоне не уменьшится. И если вы хотите сказать, что уменьшатся их пайки, то вы должны понимать, что это уже преступление, Смотритель.

— Три месяца – не год, а договор заключается на год. Вы считаете, что справедливо требовать увеличение закупа на целый год, когда уже через три месяца зона будет полупустой? – Директор явно терял свое терпение.

— Почитайте правила, касательные зон временного содержания, если вам не понятны наши требования, – невозмутимо ответил Сарен.

— Сами почитайте! – вдруг сорвался директор. – Я эти правила наизусть знаю. Я сам их и писал! Пайки осужденных уменьшатся лишь на семь процентов и всего на три месяца. Это не существенно!

— А вот ваши же правила с этим не согласятся, как и третья заповедь, раздела об осужденных, где говорится о том, что ущемлять права осужденного, установленные руководством

Зоны и подтвержденные Советом, в размере пайка, часов прогулок и досуга, чревато увольнением с должности главного смотрителя.

Кажется, что в тот момент я полюбила Сарена еще больше. Его уверенность в себе и подвешенный язык возбуждали меня сильнее всякого рукоблудия.

— Пусть мне это скажет сам Совет! Я двадцать лет работаю здесь директором. Терплю тут всякое. Но хуже всего терпеть таких, как вы! Выскочки, что получили все, только потому, что выросли в нужной семье. Чего вы стоите без своих родителей?!

— Вы все сказали? – совершенно спокойно спросил Сарен.

— Да! – рявкнул побагровевший Виктор.

— Ну, если вы отказываете мне, то я так и передам Совету. И как только выйду отсюда, – он, не глядя, указал большим пальцем на входную дверь, – уже ничем не смогу вам помочь.

А затем Сарен резко встал, потянув меня за локоть, и мы направились к выходу. Лишь у самой двери смотритель остановил нас.

— Хорошо, я согласен, – скрипя зубами, проговорил он.

— Ну, вот отлично! – широко улыбаясь, воскликнул Сарен.

После этой жаркой – ну, хотя бы для меня – беседы по плану мы должны были поговорить с осужденными и узнать о качестве их питания.

— А это обязательно? – шепотом спросила я Сарена.

Я переживала и сомневалась, потому что понимала, что эти люди могли повести себя совершенно непредсказуемо.

— Не бойся, – улыбнулся мой блондин, погладив мое плечо. – Охрана будет с нами.

«Та самая охрана, которой мы так сильно понравились», – подумалось мне.

Часть осужденных собрали в зале досуга, чтобы Сарен мог обратиться сразу ко всем. Они выглядели даже злее директора и явно не были готовы к душевным беседам о еде. Один громил смотрел на меня и облизывался, как будто увидел сочный стейк вместо белкового кубика.

— Я знаю, что вам всем не интересно, что скажут представители Совета! – начал директор. – Но попрошу, все же, ответить на их вопросы и покончим с этим.

— Да, спасибо, Смотритель Виктор! – поспешил Сарен. – Никто не отнимет у вас много времени!

— Очень смешно, красавчик! – сказала и тут же рассмеялась басом большая женщина в углу комнаты.

— Я лишь хочу знать, устраивают ли вас дневные пайки!

— А я хочу узнать, какова на вкус женщина, регулярно принимающая душ! – выдал тот, что на меня облизывался.

Все присутствующие заключенные хором заржали.

— Я тут уже два года жду своей отправки! И кроме этих страхолудин, никого не вижу!

Я нервно заправила прядь волос за ухо. Этим людям явно никто не собирался утихомиривать, наверняка потому, что мы тут вообще никому не нравились.

— Да, кто на тебя взглянет, чмо болотное! – ответила ему, та же, полная дама в углу.

— Попрошу просто ответить на вопрос. Устраивает ли вас качество продукции «Мирный Берег»? – настойчиво спросил Сарен, явно, теряющий самообладание.

— В жопу Мирный Берег! – закричал кто-то из них. – Сами то, жрут свою продукцию?! Пошли вы, мажоры сраные!

Все подхватили этот мотив.

— Да! Пошли вы!

— За что осудили меня?! За то, что я правду говорю?! Теперь хоть послушайте! Создаете хрючево для бедных, а сами обжираетесь настоящим мясом!

— Да! Жрите свои помои сами!

— Уходим, – скомандовал мне Сарен и мы начали отходить к двери.

Стоило мне отвернуться, как кто-то схватил меня за майку сзади и потянул. Я вскрикнула, понимая, что сейчас упаду. Налетели охранники с дубинками. Я обернулась и увидела, что меня держит тот самый оголодавший мужик. Даже после нескольких ударов дубинкой он не отпускал.

Помню, я тогда подумала: «Почему никто не использует пульт, чтобы запустить его ошейник и хорошенько тряхнуть?» Но потом увидела, что его на громиле и нет. Это был обычный человек.

«И что же он мог натворить, чтобы оказаться здесь? Разве что убить себе подобного. Этот мужик может и мне просто свернуть шею, не прилагая больших усилий».

— Ты, доп! – кричал он мне. – Должна на коленях стоять, пока я держу твои волосы! Вы больше ни на что не годны! Стой, рыжая! Станешь моей закуской!

Скованная ужасом и паникой, я тщетно пыталась вырваться из его мертвой хватки. Его били — а он не отпускал, разрывая мою майку, и я освободилась только тогда, когда в его руке остался ее кусок.

Сарен накинул на меня свой пиджак и утянул за собой. А я все смотрела в глаза этому огромному человеку, пока дверь за нами не закрылась. Столько зла в одном только взгляде я прежде не видела.

Я встряхнула головой, пытаясь таким образом отогнать непрошенные воспоминания.

«Успокойся, ты дома», — этой фразой мне всегда удавалось выбраться из заключения в собственной голове. «А сейчас еще и на свидании...»

Я понятия не имела, почему в мою голову пришел именно этот случай. Были же и хорошие поездки, и даже невероятные.

«Предчувствие?»

Я искренне радовалась за Сарена. Эта победа далась ему нелегко, даже учитывая, кто его родители. Помню, сколько он не спал, изучая материал. Как могла, я помогала ему. Мы сделали огромную работу, создавая этот проект. Провели ряд исследований, пытаясь доказать, что возможно продлить жизнь человека с помощью клеток инооков, которые Алоидам удалось сохранить для испытаний.

Эти существа с другой планеты были бессмертны в своих идеальных условиях. И наша теория заключалась в том, что эту способность реально передать человеку. Учеба мне давалась легче, чем этот проект, но все было не зря. Они заинтересовались и захотели изучать этот вопрос. Даже запросили образцы клеток у тартиан, как они сами утверждали.

В действительности, как позже рассказал мне Сарен, проект никому и нигде не был нужен. Мирный Берег давно изучил этот вопрос и пришел к выводу, что риски и затраты не оправданы. Но наши старания оценили. И повышение Сарена не вызывает у меня никакого удивления.

Мы прошли мимо парочки, что крепко обнималась. По радостной улыбке девушки было видно, что ей только что сделали предложение.

А наша беседа уходила все дальше от моих ожиданий. Но я не волновалась, ведь вечер только начался.

Говорить о достижениях Сарена было несложно. Часто мы говорили именно о них. Наверное, потому, что общего у нас было мало. Если я начинала говорить о своих друзьях, которые, несомненно, занимали в моей жизни большое пространство, то сразу сталкивалась с его скучающим выражением лица. Разговор о моих успехах Сарен поддерживал охотно, но как-то скоро он уходил в сторону самого Сарена. В конечном счете я поняла, что проще не

заводить своих тем. Этот мужчина привык быть в центре внимания, но также он никогда не забывал о «приятностях», благодаря которым можно было простить ему многие странности.

Уже начинало темнеть. Мы приближались к прекрасному фруктовому саду, посреди которого Сарен вдруг остановился.

— Ева, - произнес он с волнением. - Я ждал этого вечера несколько лет. Сейчас я очень волнуюсь. Не суди за то, что дрожит мой голос, - он помедлил, делая вдох и сердце мое замерло.

Сарен повернулся ко мне, и я взглянула в его голубые, словно озеро, глаза, нервно вздохнула и подумала:

— «Сейчас все и случится. Все, чего я так долго ждала и все о чем мечтала все эти годы», - пищала я от счастья про себя.

— Ты знаешь, что я правда ждал этого вечера. Я обещал, что изменю твою жизнь навсегда. Сегодня ты, наконец, закончила университет и я могу это сделать. Я прошу тебя связать свою жизнь со мной.

— Сарен, - прошептала я, не сдерживая улыбку. - Ты..., - но он оборвал меня, продолжив свой монолог.

— Позволяющая заповедь номер 24 гласит, что каждый человек, обладающий высоким рейтингом, может и должен помогать обездоленным, которые не по своей вине попали в сложное положение. На правах Третьего Советника ЦБИ я хочу подарить тебе статус моей спутницы. Это даст тебе большие привилегии, повысив твой рейтинг, и это же соединит нас навеки, — отрапортовал он, будто говорил не со своей любимой девушкой, а давал отчет своему начальству.

Закончив, он замер с вдохновенной улыбкой на своей наглой роже в ожидании ответа.

Мне казалось, что мое лицо окаменело и рот никак не мог открыться. Внутри же я словно превратилась в лёд. До меня доходили его слова слишком медленно. Я старалась взять себя в руки, но на каждой его новой фразе мое тело обдавало бессилием. И сейчас меня мог снести с ног даже слабый ветерок.

«Он сказал: «спутницей», не женой. Другими словами, он хочет, чтобы я стала его любовницей».

Спутница или спутник — статус для женщин или мужчин с низким рейтингом, даруемый как с барского плеча людьми с высокими чинами. Это своего рода благотворительность. Несомненно, такое событие поднимет его персону в глазах народа. Но вот меня... меня назовут недостойной пиявкой».

— Ты же рада, правда? – с той же, глупой улыбкой, спросил Сарен. - Скажи уже что-нибудь.

— Я рада, – запинаясь произнесла я, как можно спокойнее.

«Нет! Искры! Я не этого хотела!» - кричало все во мне, - «Не поступай так со мной! Ты же все для меня!»

— Сарен, а что твои родители сказали? – медленно зашагав и пряча лицо, что бы он не заметил слез, что не могла остановить, тихо спросила я.

— Это и было их решение. Конечно я собирался сделать предложение.

Мое сердце стерпело еще удар.

— Но ты же знаешь мою мать, она восприняла это в штыки. Взамен она и предложила такой выход. От этого мы оба в выигрыше. Ты получишь работу в исследовательском центре, а я хорошую огласку. Ты же знаешь, мне без тебя не справиться!

Его радостный тон, бил меня не хуже палки.

— Правда есть ещё кое-что, - хмуро добавил он.

— Что же? – глотая боль и обиду, спросила я. – «Еще одна хорошая новость?»

— Мне, все же, придется жениться. Родители сводят меня с дочерью Первого военного Советника. Ты знаешь ее. Это Бенарин.

Услышать это имя снова и в таком контексте для меня было больше, чем ударом.

«Только не она! Как же это возможно?»

— Это важно для положения моей семьи. А ей очень нужна работа в Совете. Также, это повысит мой статус в высших кругах и я смогу свободно подниматься только вверх.

Мои колени подогнулись, и я чуть было не упала. Сарен подхватил меня за локоть.

— Ты не переживай. Этот брак ничего не значит. Считай, только на бумаге. Я куплю тебе дом и всем обеспечу. Мы будем часто видеться. Все будет так, как мы мечтали!

Он говорил так непринужденно, словно рассказывал о том, как погулял на выходных. И всё мое внутреннее состояние больше не помещалось в моем теле.

— Нет, Сарен, так уже не будет.

Я резко остановилась и отбросила его руку.

Прежде мне не приходилось перечить ему, но прежде он и не обижал меня так сильно.

«Неужели он не понимает о чем говорит? Заработать место на такой престижной работе своим трудом, пусть и от части благодаря статусу жены мужчины с высокой репутацией – куда не шло. Будут думать, что это нечестно, но в слух не скажут. Но в статусе Спутницы – все равно, что отдать свое тело на органы: разберут по частям и стесняться не будут».

— Что тебе не нравится? — удивлённо спросил, ещё пять минут назад, самый родной и близкий человек. — Нет, я понимаю, что говорил тебе о браке, но я был слишком глуп, полагая, что смогу сам вскарабкаться на вершину. Без родительской помощи мне не пробиться выше.

Показалась луна. Влюбленные парочки постепенно собирались у озера, проходя мимо нас и толкаясь так, что мне пришлось отойти от Сарена. Я была так разбита, что хотела просто убежать, ничего ему не объясняя. Мне было уже все равно на парк, на пруд и луну. Все мысли заняли лишь его предательские слова: «Я хочу подарить тебе статус моей спутницы!», «Мне все же придется жениться...», «Это Бенарин». Когда наконец все удобно устроились у живой изгороди, мы остались с ним вдвоем, но так и стояли на расстоянии.

— Не говори, что ты ждала предложение о замужестве, — разочарованно произнес он. — Ты же знала, что это невозможно. Я теперь Советник, я не могу быть с... — он замолчал.

— С такой как я? Обездоленной, детдомовской, третьесортной?! – договорила я за него.

— Перестань. Ты знаешь, что я так не думаю о тебе, — сказал Сарен куда-то в сторону, засунув руки в карманы.

— А как ты думаешь обо мне, Сарен? – Голос мой надломился. — Думаешь, что я достойна статуса любовницы? – хрипло спросила я, но затем закричала, словно стараясь передать свою боль ему. — Я любила тебя! Я жила твоими обещаниями! Ты был моим миром!

— Успокойся, — тихо и холодно сказал он, озираясь по сторонам. Затем подошёл ко мне и не обращая внимания на сопротивление, потащил за локоть к выходу.

«Ему стыдно за меня перед этими незнакомыми людьми. Как же унижительно». За воротами я наконец выдернула свою руку из его хватки и отошла на пару шагов.

— Чего ты добиваешься?! – На этот раз не сдерживался он. — Что бы я пошел против своей семьи и позвал тебя замуж? Этого не будет! – жёстко сказал он, — Я не стану жертвовать своей карьерой и репутацией ради тебя! Я сделал хорошее предложение. Успокойся и обдумай его. У тебя лишь два пути: либо счастливая жизнь со мной и отличная работа, либо полевой госпиталь в разгар битвы. Лишь потому, что люблю тебя, я всё ещё даю тебе шанс, Ева.

Я не смогла ничего добавить: он просто ушел, оставив меня разгромленной, убитой, просто никакой. Ноги отказывались идти, и я какое-то время просто сидела на земле у ворот и редела, краем уха слушая восторженные возгласы девушек и парней в парке. Но, когда пары начали выходить, мне все же пришлось встать, чтобы пропустить их.

Прозвучал первый звонок, сообщающий о скором начале комендантского часа. Последние пары спешно покидали Зеленый парк. И мне следовало бежать на последнюю электричку, но я шла, будто на протезах вместо ног, которые никак не гнулись в коленях. И мысль о том,

что меня может забрать ночной патруль, блекло мелькала на задворках сознания. Я просто шла, медленно «пережевывая» сегодняшний вечер, надеясь провалиться в какую-нибудь яму, которую намеренно не замечаю. Но ямы не было, как и патрульных.

Тем временем прозвучал второй звонок, объявляющий о начале комендантского часа. Фонари с жужжащим звуком начали гаснуть, и мне пришлось остановиться и подождать, пока глаза не привыкнут к бледному свету искусственной луны. Я пропустила последнюю электричку, зато наконец пришла в себя.

«И как мне теперь добираться до дома?»

К оврагу вели две дороги. Первая пролегла по поверхности. Как раз там, где меня точно сцапают допы в синих робах.

Ночной патруль всегда состоял из допов, потому что это самое опасное время. Время, когда протестанты выходят на улицы, чтобы совершать свои бессмысленные и беспощадные действия. Очевидно, ради того, чтобы поразвлекать народ очередными срочными новостями.

Второй путь вел по подземным переходам, куда патруль по ночам не совался. Именно там их синие задницы часто пропадали бесследно. Не спасали их ни новейшее грозное оружие, ни старый добрый глушитель искры. У протестантов также было полно своих штучек. Они хорошо умели собирать оружие из старого хлама.

Итак, две дороги... На обеих меня могут ждать неприятности. И оставаться на месте нельзя. Глаза уже привыкли к ночному свету, и я могла видеть первый спуск в подземку, который был совсем рядом.

«Там хотя бы свет есть», — подумала я и приняла решение.

На дрожащих ногах, держа туфли в руках как оружие, я начала спускаться.

«Система подземных тоннелей была создана около десяти лет назад, но вовсе не для удобного перемещения пешком. На самом деле это совсем не удобно, если ты не желаешь оставаться незамеченным, как отступник, к примеру. Просто там должны были ездить электрички, чтобы улицы оставались свободными. Однако, когда дело уже шло к прокладке рельсов, Совет вдруг осознал свою ошибку и остановил работу, приняв решение в пользу нового, наземно-воздушного проекта.

Дело в том, что в тоннелях начали прятаться протестующие. Тогда Совет принял решение об их закрытии. Это оказалось проще, чем снова завалить их землей. Но отступники всегда находили способ пролезть обратно. И тоннели вновь открыли, назвав их пешеходными. Расставили там автоматы с водой и всякими ненужными штуками, поставили будки охраны и заставили патрульных постоянно прочесывать тоннели. Правда, после нескольких пропавших товарищей они перестали так часто по ним гулять».

Тоннель был точно таким же, как и тот, что вел меня от станции почти до самого университета. Обшарпанные белые стены, тусклые лампы — ну, те, что вообще еще горели, — и никому не нужная вода и еда в дорогих автоматах. Их бы давно уже вскрыли, но система защиты нацелена на наши ошейники. Конечно, не все отступники — допы, но обычным людям их вообще не взломать.

Я была здесь лишь однажды вместе с Вегой. Когда он поспорил, что тут есть кратчайший путь до Оврага. Мы не заблудились, но и путь не нашли. Пришлось вылезать наружу и идти по поверхности. Сложно ориентироваться в тоннелях, ведь тут даже нет указателей, а поворотов как раз хватает. Множество веток, ведущих в любой уголок города. «И почему я решила, что найду путь сейчас?»

Я старалась идти в одном направлении, чтобы всегда понимать, где нахожусь. Шагала я достаточно быстро, но стараясь не шуметь. Однако никто мне по дороге так и не встречался, и постепенно я полностью расслабилась.

— Не станешь ли ты моей любовницей?! Хочу иметь тебя при каждом удобном случае в твоей небольшой квартирке, а ночевать в своем огромном особняке со своей женой Бенарин! —

записывала я голосовое сообщение в свой черновик, чтобы никогда не отправить его адресату. Я, не стесняясь в выражениях, изображала голос Сарена, корча гримасы и размахивая руками. — А я буду дальше прятаться за штаниной своего папочки, держась за сиську своей мамы! Вот тебе и благодарность за все годы помощи и поддержки! Да я лучше сгину в пустоши, чем еще раз раздвину для тебя ноги, ублюдок!

Злость мне нравилась больше, чем отчаяние. Жаль, что она тоже пройдет и есть шанс, что я, как дура, подпишусь на его условия от безысходности. Тут я была слаба и бессильна, и Сарен это знал. Никто не примет меня на работу в ЦБИ без реального поручителя. Меня даже в обычную больницу не примут, не имея ни одного родителя.

Сбывался мой самый страшный кошмар. Мажоры в университете смеялись: «Зачем тебе эта учеба, убогая? Все равно, продвину... у тебя одна дорога!»

«Представляю, как сейчас смеется Бенарин! Прямо так, как предупреждала, тварь!»

О них ходили разные слухи, в основном ужасающие. Даже говорили, что они питаются человечинной, подобно диким зверям. Это казалось просто смешным, ведь протестанты — это не какой-то крысиный подряд, что обитает в недрах старой канализации. Они — обычные люди и допы, которые днём ведут совершенно обычный образ жизни: работают, учатся, гуляют в парках, обедают в столовых, встречаются с друзьями и всё в этом духе. Однако эти люди могли жажнуть меня по голове чем-то тяжёлым и, хрен знает, что ещё сделать со мной, приняв меня в темноте за патрульного.

— Проклятая сука! – в сердцах закричала я, так, что эхо полетело далеко вперед по тоннелю.

— А вы громкая леди, — грубый сиплый голос раздался позади и заставил мурашки подняться со спины аж до затылка.

Я медленно повернула голову. Оказалось, что я не заметила мужчину, сидевшего у стены. Его грязная куртка сливалась с грязной стеной тоннеля. Он даже не смотрел в мою сторону; кажется, его взгляд был устремлен в противоположную стену.

— Дальше иди осторожнее, – сказал он и слегка посмеялся или покашлял, я не разобрала. – А лучше, поднимайся на поверхность. Они обитают там, где нет света.

— Кто? Протестанты? – Голос мой прозвучал испуганно.

— Протестанты, еретики, — одним словом, отступники. Но они-то называют себя «Лишенные». Ты громкая! — Мужик зашикал на меня, повернув ко мне свое лицо и широко раскрыв свои абсолютно белые глаза.

«Слепой», – подумала я.

Таких, как он, в Овраге хватало: еще не старых, но уже инвалидов. Этот был уже седым. Штанины он закатал до колен. Его правая нога, очевидно, была сломана и срослась неправильно. В районе голени она была странно выгнута. Я бы могла это поправить, будь у меня костный раствор, время и желание. На переломах я хорошо натаскалась. В больнице в Овраге, где я практикуюсь два раза в неделю, переломы – главная проблема, с которой обращаются местные. Вторая по популярности – колотые и резаные раны.

— Спасибо за совет, – я постаралась сказать это, как можно, дружелюбнее.

Он рассмеялся, а я поторопилась уйти от него подальше. И только когда его голос стих, я сбавила ход.

Коридор разделился на две стороны. Справа был путь, который должен был вывести меня к лестнице на поверхность. Я остановилась, чтобы подумать.

«Если выйду здесь, то придется бежать по открытой местности еще пару станций до Оврага. И там меня точно поймает патруль», – размышляла я. – «А если пойду прямо», – я пригляделась и заметила в конце коридора мигающий светильник, а дальше темноту, – «то меня, скорее всего, сцапают протестанты или как там их... лишенные?»

О них ходили разные слухи, в основном ужасающие. Даже говорили, что они питаются человечинной, подобно диким зверям. Это казалось просто смешным, ведь протестанты — это не какой-то крысиный подряд, что обитает в недрах старой канализации. Они — обычные люди и допы, которые днём ведут совершенно обычный образ жизни: работают, учатся, гуляют в парках, обедают в столовых, встречаются с друзьями и всё в этом духе. Однако эти люди могли жажнуть меня по голове чем-то тяжёлым и, хрен знает, что ещё сделать со мной, приняв меня в темноте за патрульного.

— Что же мне делать?

«Откройте глаза!», – вспомнился мне крик старика, которого я встретила сегодня утром и его безумный взгляд.

«Уж лучше штраф и недельная профилактическая беседа. Второй проступок без занесения в личное дело. Переживу», – решила я и уверенно повернула направо.

Свой первый штраф и выговор я получила три года назад, когда мы с Мари решили, что зависнуть на спортивной площадке школы в пригороде будет хорошей идеей. Под «зависнуть» я подразумеваю накуриться, сидя прямо посреди поля. Мы почему-то подумали, что в выходной день, к тому же в пригороде, никому не будет до нас дела. Увлеченные какими-то бредовыми разговорами, мы даже не заметили, как к нам подошли два охранника и поймали нас с двумя граммами «травы» без рецепта. Только благодаря матери Мари мы не оказались на исправительных работах.

Курить «траву» не запрещают заповеди. Она является лекарственным средством и в отдельных случаях выписывается врачом.

Да, курить не запрещено, а вот иметь её без рецепта вполне наказуемо. Мама Мари не ругалась и даже не удивилась, когда подруга позвонила ей с просьбой о помощи. Скучающим тоном она сказала нам только одну фразу:

— Не заводите детей.

«Лекарственные травы растут только в теплицах ЦБИ. Вообще, любые съедобные и медицинские растения растут только в закрытых теплицах. Вырастить их у себя на заднем дворе не получится: почва неплодородная. Да и запрещено, конечно же. Хорошую землю может позволить себе только элита. Но и на ней, без определённых тепличных условий, можно вырастить только бледно-жёлтый газон.

Однако приобрести «травку» очень просто. Её продают в Овраге и в определённых автоматах под видом питательных капсул в этих самых переходах. Цена таких капсул всегда немного выше обычных.

Никто не покупает ничего в переходах. Для обычных людей — слишком дорого, а элита таким и вовсе не питается. Никто, кроме тех, кто знает, для чего автоматы здесь всё ещё стоят. Мирный Берег запрещает и он же поставляет».

Пока я вспоминала, добралась до следующей развилки. Смушало только то, что лестница на поверхность, по моим расчётам, должна была уже быть. Но её не было, а была очередная развилка. Я начинала уже нервничать. Впереди не было света, но и слева вдалеке было темно.

— И что мне делать? – по-детски захныкала я.

Я подняла коммуникатор поближе к губам, думая о том, что, возможно, стоит попрощаться со всеми, пока еще могу. А изо рта вырвалось:

— Да, и вот еще что, Сарен, чего бы ты добился без меня?! Твоя дипломная работа написана мной! Как и вступительный доклад для собеседования в ЦБИ! Больше половины

исследования по клеткам инооков сделала я! Думаешь, твое красноречие будет вытаскивать тебя из любой задницы? Или думаешь, что твоим родителям не надоест постоянно жертвовать своим положением, продвигая тебя вверх?! Ах, стой, конечно! Ты, наверное, считаешь, что Бени ради тебя всем пожертвует! Так, открою тебе тайну — она тупая! Ты поступил со мной как последний мудака! И у тебя всего два пути: либо ты откажешь Бенарин и сделаешь мне нормальное предложение, как обещал и как я того заслуживаю, либо иди ты на...

Стоило мне сказать последнее слово, как впереди что-то лязгнуло. Этот звук был похож на звук падающей на пол металлической трубы. Понять, откуда он, было невозможно, а оставаться на месте было рискованно. Я повернула налево, подумав, что так вернусь на прежний маршрут. Дальше я шла в тишине, постоянно оглядываясь.

«Хватит с меня прощальных слов».

Я приближалась к очередной развилке, на этот раз мне предлагалось выбрать: налево или направо. Однако, куда бы я ни повернула, везде было темно. Я услышала тихое шуршание, и у меня затряслись поджилки, так что пришлось облокотиться на стену и несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы взять себя в руки.

«Это просто крысы. Их тут наверняка много», – успокаивала я себя.

Подойдя к углу, чтобы повернуть направо, я вдруг заметила, что слева гораздо светлее. Присмотревшись, я увидела немного дальше очертания лестницы, сверху на нее падал слабый лунный свет. Я уже была готова кинуться туда, как вдруг услышала чьи-то приближающиеся шаги, такие, словно людей было несколько, а затем что-то врезалось в стену прямо за углом, у которого я стояла. Я замерла, прижимая к груди свои туфли.

— Не хватайся за меня! – рявкнул грубый мужской голос совсем близко. – Ты вообще в курсе, что это за костюм?! – Я прислушалась и вдруг поняла, что этот голос, грубый с хрипотцой, я уже точно когда-то слышала. – Тебе и за сто лет не заработать столько репутации, что бы хоть посмотреть на него пустили.

— Советник, вы обещали мне..., – раздался тоненький, женский голосок.

— Вы обещали мне..., – передразнил ее мужчина. – Зверье не любит ждать.

«Зверье почему-то не желает ждать», – вспомнились мне слова Сарена об осужденных, в Зоне номер пятнадцать.

И тут меня словно ошейником дернуло. Я поняла, кто сейчас стоит за этим поворотом и ведет себя, как мудака старший, точнее, как обычно.

— Вы сказали, если я подставлю того парня, то вы дадите мне работу. – Снова что-то с хлопком врезалось в стену, похоже это была девушка.

— Я сказал не прикасайся, наглая тварь! Работу тебе? Да, ты на себя посмотри! Вся грязная, в лохмотьях. Кто тебя возьмет? – расплылся мужчина. – Я и так делаю слишком много для вас, крысы неблагодарные! Только благодаря мне вы все еще не в пустоши! А в замен, требую, только, изредка делать так, как я прошу. Но вы, отступники, все жадные, вам все мало...

— Советник, тот парень отправится на войну из-за меня. – Девушка всхлипнула и я поняла, что она плачет.

— Да, если запишется в добровольцы. Если же нет, то похоронит имя своей приемной матери. Я из этого такой скандал раздую, что мало не покажется. Тихо, – вдруг шикнул мужчина.

Я прислушалась. Через секунду я поняла, что услышал Советник: кто-то спускался по лестнице. За углом зашуршало, а потом раздался звук отдаляющихся шагов.

— Ты правда думаешь, что она здесь? – спросил знакомый мужской голос.

— Я знаю, что она здесь, – ответил знакомый женский.

— А я вот не уверен.

— Тогда подумай, почему я уверена.

— Опять эти твои медиумские штучки.

Слышать голоса своих друзей было, конечно, успокаивающе, но звать их я не торопилась. Тот Советник не должен узнать, что я тут стояла все время его беседы.

— Ева, ты же тут?! – громко спросила Мари.

«Жаль, что ты поленилась прочесть мои мысли, Мари...»

Осторожно я подбежала к другому углу, оглянулась, но, кроме темноты и тусклого мерцания лампы в конце коридора, ничего не увидела.

— Ева! – еще громче заорал Вега.

— Да, тут я! Можно не орать?!

Мы прошли в мою квартиру, где я после целого бокала вина рассказала им всю историю своей «помолвки».

— И это его лучшее предложение, - закончила я, смахивая непрошенные капли слез, что нагло воспользовались моментом слабости и пролились жалостью к себе.

— Ну, вот, не хотела я говорить. – Мари цыкнула, разочарованно отворачивая взгляд. - Надеялась, что ошибаюсь. Но, ё-бана! Я же с самого начала говорила, что этому, самому мажористому мажору, важно только собственное рыло! Он последняя тварь! И это конец! – со злостью сказала Мари.

Мари была злее меня. На самом деле такой я видела ее лишь однажды. Тогда преподаватель по философии отказалась ставить ей зачет уже в третий раз. Но сейчас это была моя катастрофа: моя жизнь летела в бездну, собирая все торчащие камни. И это был конец, как она и сказала. Однако верить в это мне не хотелось. Я хотела слышать от подруги не эти слова.

— Я убью его, - злой шепот сзади.

Вега не мог спокойно усидеть на месте. То вставал, то садился, отхлебывал из стакана и хватался за голову.

— Да, давай, убей его! - резко ответила ему сестра. – Только тогда ты до своего лагеря не доедешь.

— Плевать! Да! – громко выпалил он. - Он стоит того.

— Нет, не стоит, - прошептала я. - Он не стоит отставки твоих родителей и тем более твоей жизни! – добавила я с напором. - Все что случилось, лишь моя проблема, не твоя и не Мари. Я сама виновата, что думала будто такой, как Сарен, женится на такой, как я!

Я запустила пальцы в свои волосы и крепко сжала их, готовая нещадно выдернуть клочки вместе с кусками скальпа. Подруга легко коснулась моего плеча и тихо сказала:

— А что с тобой не так? То, что ты из детдома? Ты глупость говоришь. Это он не порядочный! Ты сама можешь всего добиться. У тебя есть твой ум, твои оценки и рекомендация от лучшего преподавателя лучшего университета в стране. Просто отправь заявку и, я уверена, ее рассмотрят.

На этот раз подруга нашла нужные слова. Но оказалось, что их недостаточно, чтобы утихомирить мой гнев.

— Спасибо тебе, но ты, видимо, забыла какой у меня рейтинг. С 3,8 не возьмут, даже, полы в больницу мыть. Особенно если Сарен подсуется.

— Ну, так он вряд ли поступит, – не уверенно поморщилась подруга. – Слишком много возни.

— Сарен слишком эгоистичен. Если чего-то хочет, то либо получает, либо делает так, что бы никто не получил, - не согласился Вега. - Я знаю его, - хмуро добавил он.

— Я согласна с Вега, - заключила я. - Он сказал мне, что у меня лишь два пути: либо с ним, либо за купол.

— В который раз убеждаюсь, что мужики — трусливые, мелочные и жалкие насекомые, — брезгливо фыркнула Мари, затем добавила спокойно, заметив, как ее брат уже раскрыл рот, что бы возмутиться. — Не все, Вега! Но многие.

— Но я была с ним шесть лет. Знала и игнорировала, какой он, — тихо начала я, положив ладонь на грудь, пытаюсь приглушить боль, — Разве он мог так поступить со мной? После всего. После шести гребанных лет! — с криком закончив, я отправила свой стакан прямо в стену и тот, конечно же, разлетелся на мелкие осколки.

Посмотрев на желтое пятно на стене, вино и осколки на полу, позыва обратиться не возникло. Зато слегка полегчало, и я присела на край своего дивана.

— Какая отвратительная семейка. Что отец, что сын, — фыркнул Вега, рассуждая себе под нос.

— Отец..., — вдруг вспомнила я. — Райнер! Есть кое-что... Ну...

— Что?! — не выдержали оба.

— Короче, я когда была там, ну в тоннелях, у самого подъема, где вы меня нашли, я случайно кое-что услышала. Я слышала как Райнер говорил с какой-то девушкой.

— Развлекался, что ли? — весьма оправданно предположил Вега.

— Нет, он кричал на нее. Она сделала что-то, за что он ей работу обещал. А давать похоже не собирался.

— Ну, не знаю, может тебе послышалось? Может это был не он. Что Первому Советнику по СХК там делать? — засомневалась Мари.

— Даже, если ты и не ошиблась, что толку, — добавил друг. — Твои слова ничем не помогут.

— Возможно у меня есть не только мои слова. — Я посмотрела на свой коммуникатор. — Пока я там блуждала, записывала голосовые в черновик и выключила запись только около дома.

— Хочешь сказать, что сейчас у тебя на «кому» компромат на Первого Малого Советника по СХК? — с любопытством спросил Вега.

Я подняла руку, тыкнула в черный экран своего кому и сказала:

— Проиграть последнюю голосовую запись в черновике.

— «Да, и вот еще что, Сарен, чего бы ты добился без меня? Твоя дипломная работа написана мной! Как и вступительный доклад для собеседования в ЦБИ! Больше половины исследования...»

— Промотать вперед, — поспешила я избавиться себя от позора, услышав свой плаксивый голос и жалкое нытье, что он издавал. — Стоп.

— «...два пути: либо ты откажешь Бенарин и сделаешь мне нормально предложение, как обещал и, как я того заслуживаю, либо иди ты на ...».

— Промотать пять минут, — прикрыв глаза от своих друзей, которые явно пытались сдерживать смехи, скомандовала я.

«...шуршание... скорые шаги... хлопок...»

— «Не хватайся за меня! Ты вообще в курсе что это за костюм?! Тебе и за сто лет не заработать столько репутации, что бы хоть посмотреть на него пустили».

— «Советник, вы обещали мне...».

— «Вы обещали мне... Зверье не любит ждать».

— «Вы сказали, если я подставляю того парня, то вы дадите мне работу».

«Хлопок...»

— «Я сказал не прикасайся, наглая тварь! Работу тебе? Да, ты на себя посмотри! Вся грязная в лохмотьях. Кто тебя возьмет? Я и так делаю слишком много для вас, крысы неблагодарные! Только благодаря мне вы все еще не в пустоши! А в замен, требую, только, изредка делать так, как я прошу. Но вы, отступники, все жадные, вам все мало...»

— «Советник, тот парень отправится на войну из-за меня?»

— «Да, если запишется в добровольцы. Если же нет, то похоронит имя своей приемной матери. Я из этого такой скандал раздую, что мало не покажется. Тихо».

— Стоп, – снова скомандовала я. – Ну, как вам? – Посмотрела я на удивленные лица друзей.

— А ты уверена, что это его голос? Тут его имя ни разу не сказали, – все еще сомневался Вега.

— Поверьте, я его голос на всю жизнь запомнила. Но не думаю, что ее можно как-то использовать.

— Тебе нет, – согласилась Мари. – А вот мы можем.

— Хочешь прижать его в обмен на работу для белки? Анонимку ему отправишь?

— Нет, нужно действовать лично, что бы он сразу понял, что угрозы не пустые. Наши родители тоже в совете и этой записью они его уничтожат, если он не выполнит наши требования.

Я поежилась от идеи Мари. Мне это всё не нравилось. В конце концов, я еще никуда не собираюсь, я еще могу найти работу и остаться. Да и, на самом деле, я еще не приняла мысль, что между мной и Сареном настоящий финал. А потому я не могла позволить подруге мутить воду еще сильнее.

— Давай-ка притормозим. Лучше нам всё обдумать, — предложила я. — Но сначала — отдохнуть, и уже на свежую голову...

— Ты знаешь, подруга, я готова прямо сейчас зажать его мелкие яички так, что визг его услышат на самом Тарте. – Под алкоголем Мари становилась еще и бесстрашной, до кучи к ее обычной вспыльчивости, а иногда непомерной агрессии.

— Нам пора спатеньки, – сообразил Вега, уводя сестру в спальню и, буквально, кидая на мою кровать.

Измотанные разговорами и вином, мы все уснули на моей кровати — кто как упал.

Глава 4.

ПРОЩ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.